

Тартуский университет
Философский факультет
Колледж иностранных языков и культур
Отделение славистики

Перевод повести Ирены Доусковой «Будь Жегорт» на русский язык

Магистерская работа
студентки отделения славистики
Катерины Киселовой

Научный руководитель –
М. В. Боровикова, PhD

Tartu 2022

Оглавление

Введение	2
Глава 1. Политическая ситуация в Чехословакии 1968-1972 гг: характеристика основных событий	7
1.1. До начала Пражской весны	7
1.2. Пражская весна — путь к либерализации	8
1.3. Насильственное прекращение демократизации страны	14
1.4. Реакции на ввод войск	18
1.5. «Нормализация»	19
Глава 2. Жизнь и творчество чешской писательницы и журналистки Ирены Доусковой	21
2.1. Биография Ирены Доусковой	21
2.2. Литературная деятельность	23
2.3. Журналистская деятельность	26
2.4. Сотрудничество с телевидением	28
2.5. «Будь Жегорт»	28
Глава 3. Анализ перевода повести И. Доусковой «Будь Жегорт»	31
3.1. Перевод реалий в повести «Будь Жегорт»	31
3.2. Анализ стратегии переводчицы повести «Будь Жегорт»	42
3.2.1. Лексический уровень	42
3.2.2. Синтаксический уровень текста	50
3.2.3. Грамматический уровень текста	52
3.2.4. Фонетический уровень	53
Заключение	56
Список использованной литературы	59
Resümee	64

Введение

Одним из важнейших и болезненных эпизодов чешской истории является 1968 год. В этом году надежда на перемены в политической, социальной и экономической жизни страны (так называемая «пражская весна», которая длилась с 5 января по 21 августа 1968 года) сменились разочарованием от измены тех, которых чехи считали «братьями» и благодарили за помощь в освобождении во Второй мировой войне. Смена отношения произошла не одномоментно. Первое разочарование наступило в 1950-ых годах – как реакция чехословацкого общества на происходящие политические репрессии и смертные казни (см. об этом, напр. [Шевченко]). После операции «Дунай», в ходе которой на территорию Чехословакии вошли войска стран Варшавского договора, начался так называемый период «нормализации», который положил конец иллюзиям о реформировании социализма и вызвал в обществе затяжную депрессию. Этот несчастный период отражен во многих воспоминаниях чехов – как политиков (напр., [Млынарж], [Дубчек] или [Шик]), так и людей искусства ([Менцель], [Грушинский], [Вондрачкова]). Трагической кульминацией этих событий стало самосожжение в 1969 году студента Яна Палаха, который в своем предсмертном письме так описал отношения между Чехией и Россией в 1969 году: «Наши народы оказались в скобках безнадёжности» [Bratinka: 18].

До какого-то момента эти настроения и отношение к Советскому Союзу должны были скрываться. Лишь с 1990-х гг. об этом периоде чешской истории становится возможным говорить открыто и честно, без идеологической цензуры. С этого времени начинают активно печатать воспоминания очевидцев событий 1968 г., снимают фильмы, пишут книги и исследования. Самым известным фильмом, связанным с событиями 1968 года считается «Гнёздышки» (реж. Гржебейк, 1999), но существует много других фильмов на тему событий 1968 года или последующей оккупации, таких как «Спасибо за каждое новое утро» (реж. Штейндер, 1994), «Повстанцы» (“Rebelové”, реж. Ренч, 2001), “Holka Ferrari Dino” (реж. Немец, 2009), “Zemský ráj to na pohled” (реж. Павласкова, 2009), «Неопалимая купина» (реж. Холланд, 2013), “Osmy” (реж. Страх, 2014), “Krucí jméno Holec” (реж. Новотны, 2016), который опирается на одноименную книгу

писательницы Г. Павловской (1994). Позднее появились также и сериалы на эту тему, например, “Zdivočelá země” (реж. Бочан, 1997-2012) снятый на основе одноименной книги Я. Странскыма в 1991 году, или “Vyprávěj” (реж. Арихтев, 2009). В настоящее время в планах продюсерской компании «LECA production» съемки сериала “Dubček — lidská tvář — svoboda, nebo smrt”, посвященный жизни чехословацкого политика Александра Дубчека (см. об этом в [ЇТК; LECA production]).

Конечно, эта тема затронула и литературу: здесь можно назвать такие произведения, как “Víkend mého přítele Petra” Шплихала (2015), “Můj tank” Хорвата (2017) и другие. Этот далеко не полный список показывает, что тема событий 1968 года до сих пор не потеряла в Чехии своей актуальности и по-прежнему остро переживается обществом. На наш взгляд, все указанные произведения, как и весь этот дискурс целом, продуктивно рассматривать в рамках теории травмы (см. об этом подробнее в [Caruth]), однако мы в нашей работе ставим перед собой более скромные задачи.

Произведение, которое станет предметом нашего анализа, представляет собой интересный пример соединения художественного и мемуарного повествования на тему событий 1968 года. Повесть Ирены Доусковой «Будь Жегорт» (“Hrdý Budžes”) была написана спустя много лет после операции «Дунай», в 2002 году. Наша магистерская работа будет посвящена проблеме русского перевода этой книги. Перевод был создан при поддержке Министерства культуры Чешской Республики и вышел 2018 г. (в год пятидесятилетия вторжения) в издательстве «Розовый жираф» (перевод Марии Юдиной).

Повесть основана на собственных воспоминаниях Ирены Доусковой, которая застала события 1968 года, будучи ребенком. От лица ребенка (девочки восьми лет) и ведется повествование. Однако в центре внимания писательницы не столько сами события (тем более, что книга описывает 1972 год, спустя четыре года после ввода войск), сколько реакция взрослых на те изменения, которые произошли в стране, и на давление, оказываемое на них обществом. Цель автора (по собственным словам Доусковой [Доускова: 6]) — трагикомически противопоставить детский и взрослый мир и показать, что дети могут видеть более точно и резко, чем взрослые.

Однако нас в первую очередь будет интересовать то, что выбор повествования от лица ребенка прямо влияет на язык повести, определяя ее синтаксис и лексику, что усложняло задачу, стоящую перед переводчиком (поскольку детский язык, как любой жаргон, зачастую не находит прямых соответствий в принимающей культуре). Дополнительно усложняет перевод и то, что в произведении Доусковой большое место занимает проблема негативного отношения чехов к русским (это передается прямыми репликами персонажей, намеками, а также в детском фольклоре, местами довольно резком), что требует особой тонкости переводчика при переводе текста именно на русский язык, так как все «обидные» слова, использованные в тексте, становятся обращены на читателя. До сих пор эта тема не становилась объектом исследования и мы попытаемся раскрыть ее в нашей работе.

Книга имеет педагогическое значение, поскольку предназначена для читателей-подростков — будущих учителей, политиков, писателей и т.д. Этой задаче соответствует два предисловия — от автора и «от редакции». Последнее выполняет важнейшую функцию комментария к переводу, поскольку не только закрывает информационные лакуны, рассказывая о событиях 1968 года (очевидно, российские школьники хуже знакомы с этой частью истории советско-чешских отношений), но и дает необходимую оценку произошедшим событиям, без которой невозможно понимание книги. В этом тексте сжато описана история 1968-ого года и названы ее основные понятия и имена: «социализм с человеческим лицом», манифест «Две тысячи слов», Пражская весна, «нормализация», Брежнев, Дубчек, Ян Палах. Также рассказано и о реакции, которую вызвали эти события в советском обществе (выход на Красную площадь восьмерых человек с лозунгами в поддержку Чехословакии). Из этого текста можно почувствовать, что ввод войск в Чехословакию был неправильным шагом и привел чехословацкое общество к трудным временам. Но важно, что это предисловие не дает окончательных оценок описываемым событиям, оставляя это за читателем, о чем прямо сказано в финале предисловия:

События в книге Ирены Доусковой происходят в середине семидесятых, и в тексте немало отсылок к недавнему прошлому и непростым обстоятельствам жизни героев. Связывать их между собой — дело не только писателя, но и читателя [Доускова: 9].

В нашей работе мы ставим перед собой две связанные между собой цели: во-первых, рассмотреть идеологическую составляющую перевода, и во-вторых, подробнее рассмотреть лексический уровень перевода, в том числе, установив, влияет ли идеологизация на метод переводчицы.

В соответствии с этой целью мы анализируем способы и особенности русского перевода в связи с политической обстановкой определенного периода в Чехословакии. Мы попытаемся выделить принципы перевода и оценить его с точки зрения адекватности языку оригинала. Методологически в этой части работы мы будем опираться на монографию Влахова и Флорина «Непереводимое в переводе».

Наша работа состоит из введения, трех глав, заключения и списка использованной литературы.

В Первой главе мы представим обзор событий, приведших к катастрофе 1968 года: расскажем об исторических предпосылках победы коммунистической партии в Чехословакии, кратко опишем изменения в политической системе социалистической Чехословацкой, предшествующие вводу войск и последовавшие в скором времени. Отдельное место будет уделено обзору настроений обыкновенных людей и их жизни в это время, так как это особенно важно для понимания повести.

Вторая глава носит биографический характер: в ней мы постарались собрать воедино всю доступную нам информацию об авторе повести «Будь Жегорт» Ирене Доусковой. Эта информация не только необходима для нашей работы (поскольку без нее невозможно адекватно анализировать повесть), но имеет и более широкое значение: это первое представление писательницы русским читателям. Целостной биографии Доусковой не существует даже на чешском языке, и наша работа в этом отношении является новаторской.

Третья глава будет посвящена анализу перевода повести на русский язык и его особенностям. Первая часть этой главы будет основана на книге «Непереводимое в переводе» Сергея Влахова и Сидера Флорина [Влахов, Флорин] и прежде всего будет направлена на рассмотрение перевода реалий — слов, словосочетаний или выражений связанных с ситуацией в Чехословакии того

времени. Во второй части мы сравним чешский вариант повести с русским, анализируя их на разных уровнях текста: лексическом, синтаксическом, грамматическом и фонетическом, и постараемся выявить некоторые тенденции, определяющие работу переводчицы. В заключении мы подведем итоги нашего исследования.

Глава 1. Политическая ситуация в Чехословакии 1968-1972 гг: характеристика основных событий

В этой главе мы кратко охарактеризуем события, происходящие в Чехословакии во второй половине XX века и попробуем очертить причины, вызвавшие Пражскую весну и реакцию на нее — вторжение и последовавшие за ним событиями в республике. Мы черпаем информацию чаще всего из источников созданных чехословацкими политиками того времени — Дубчек, Шиком и Млынаржем, и одним советским — Шелестом. Они интересно описывают политическую ситуацию на основе собственного опыта и тоже объясняют реакции жителей на постепенно развивающую обстановку в стране. Мы также опираемся на работы разных исследователей или диссертаций как например, Шевченка или Задорожнюкой, на произведение которой мы опираемся прежде всего в изложении событий после 1969 года. Ценным источником для нас также является произведение Яна Пауэра, который для своего исследования использовал материалы архива Чехословакии и других бывших социалистических республик. Эта глава в целом должна не только сжато пересказать историю с 1968 до начала 1970-ых годов, но одновременно показать настроение и взгляд чехословацкого народа на происходящие события.

1.1. До начала Пражской весны

Чешские историки Й. Петраш и Л. Свобода в книге «Весна '68 и наступление нормализации. Чехословакия в годах 1968-1971¹» (см. об этом в [Petráš, Svoboda: 7]) считают одним из самых важных переломных периодов в истории Европы после второй мировой войны рубеж шестидесятых и семидесятых годов прошлого века. Можно этот период понять как реакцию на события первой половины пятидесятых годов, когда произошли разные конфликты или войны, конечно также повлияло положение общества, напр. Корейская война, Арабо-израильский конфликт, французы во Вьетнаме, преследование и репрессии граждан, которые были провозглашены врагами страны и так далее. Пусть первая половина пятидесятых годов не была спокойная

¹ Наш собственный перевод.

для жизни людей, можно сказать, что по крайней мере для Чехословакии, она стала поводом для конца реального социализма (см. об этом в [Petráš, Svoboda: 7]).

При первых свободных выборах после конца второй мировой войны (в 1946 году), была Коммунистическая партия Чехословакии избрана однозначно жителями как самая сильная партия с 38% голосов. Пауер объясняет такой взлет популярности коммунистов тем, что люди были благодарными Советскому Союзу за освобождение Чехословакии от нацистской Германии, также таким образом могла выражаться себя и память и почтение к павшим советским воинам. С приходом Холодной войны и конфликта между Сталиным и Тито в 1948 года, также произошла перемена внутренней политики Чехословакии (см. об этом в [Pauer: 18-19]). В своих воспоминаниях Александр Дубчек (см. об этом в [Dubček, Nochman: 125]) утверждает, что в 1967 году в Чехословакии все еще действовала система, установленная Сталиным для наилучшего контроля за «братскими» территориями, и ее изменения могли происходить только постепенно. Ситуация осложнялась тем, что общество не забыло о свободе во время Первой республики и было особенно шокировано политическими репрессиями 1949-1954 гг., во время которых, в том числе, было вынесено большое количество смертных приговоров (см. об этом в [Шевченко: 27]). Это привело к тому, что люди боялись и не доверяли друг другу, так как кто угодно мог быть соучастником СТБ² или их информатором (см. об этом в [Dolista, Pána: 21]). Среди людей росло недовольство, нетерпение и желание перемен [Pauer: 18].

1.2. Пражская весна — путь к либерализации

Чешский и немецкий политолог Berwid-Vuquoy (см. об этом в [Berwid-Vuquoy: 10]) подчеркивает, что обычно попытка переворота исходит от народа, который выступает против власти страны; такой переворот называется «снизу» и часто сопровождается насилием. Однако в начале 1968 года в Чехословакии происходил «переворот сверху». Правительство решило, что общество достаточно зрелое, и поэтому можно изменить направление политического развития и встать на путь демократии и свободы (см. об этом в [Berwid-Vuquoy: 10]). В это время начинают возникать гражданские общества,

² Служба Государственной безопасности Чехословакии.

появляются различные объединения, организации и политические движения, направленные на восстановление основных прав граждан и занимающиеся отстаиванием свободы высказывания (см. об этом в [Petráš, Svoboda: 7]). Этот период получил название «Пражская весна». Это название связано со знаменитым ежегодным музыкальным фестивалем³ «Пражская весна», но, конечно у него есть и метафорический смысл — «пробуждение из глубокого сна к многообещающей весне демократизации» [Berwid-Vuquoy: 13-14].

5 января 1968 года Александр Дубчек был избран новым первым секретарем ЦК Коммунистической партии Чехословакии (см. об этом в [Dubček, Hochman: 136]). Дубчек создал «Программу действий КПЧ» — общественный договор между страной и чехословацким народом. Эта программа реформ получила название «Социализм с человеческим лицом» (см. об этом в [Berwid-Vuquoy: 10-11]). Постепенно у граждан Чехословакии возникло доверие к новому правительству и вера в то, что оно пытается работать для блага простых людей (см. об этом в [Mlynář: 129-130]). Млынарж подчеркивает, что в сердца людей вернулась надежда. В первую очередь, надежда на то, что наступят лучшие времена, а старые не вернуться. Работающее население надеялось на улучшение уровня жизни (см. об этом в [Mlynář: 132]), но кроме этого люди ожидали больших свобод и послабления в области религии (см. об этом в [Dolista, Pána: 21]).

Общество хотело убрать из политики тех, кто имел отношение к прошлому режиму. Самым нежелательным политиком был президент Новотный, который нес прямую ответственность за судебные убийства и последовательно выступал против демократизации общества; в результате давления СМИ Новотный подал в отставку (см. об этом в [Šik: 171]). В то же время постепенно росла популярность Дубчека, который, хоть и не обладал официальной властью, благодаря своей харизме и политической позиции приобрел большую поддержку среди жителей страны (см. об этом в [Mlynář: 139-140]).

Новым президентом стал Людвик Свобода (см. об этом в [Латыш: 43]). Свобода был героем Второй мировой войны, которого отстранили от политики в 1950-х годах (см. об этом в [Šik: 174]). Однако его кандидатура не вызывала

³ Международный фестиваль классической музыки, проводится в мае; первый фестиваль состоялся в 1946 году и его традиция сохраняется до сих пор [Pražské jaro].

единодушной поддержки у населения — в Праге и Брно прошли протестные демонстрации студентов в поддержку Честмира Цисаржа, активного сторонника реформ и одного из ключевых деятелей «Пражской весны» (см. об этом в [Латыш: 43]).

С прогрессом и демократизацией Чехословакии недовольство других социалистических государств Чехословацкой республикой росло, и самым возмутительным для лидеров был свободный обмен мнениями в СМИ. Они считали ситуацию в стране «опасной и угрожающей социализму» (см. об этом в [Šik: 172]).

На конференции в Дрездене 23 марта 1968 года встретилось руководство стран Варшавского договора (кроме Румынии). Берлин и Варшава первоначально были наиболее критично настроены по отношению к ситуации в Чехословакии. Больше всего руководство социалистических стран было недовольно поведением чехословацких СМИ, в которых открыто критиковали другие социалистические страны. А сам Брежнев считал Йозефа Смрковского и экономиста Оту Шика контрреволюционерами и опасался угрозы контрреволюции с их стороны. Дубчека призвали прояснить ситуацию в Чехословакии и меры, принятые для поддержания порядка в партии и стране. Однако ответ Дубчека не смог разрядить обстановку (см. об этом в [Шелест: 199]). Советское руководство обратилось к Дубчеку с требованием изменить политику в Чехословакии, это было прямым вмешательством во внутреннюю политику страны, которое они, по словам Отто Шика, пытались выдать за «благонамеренные братские советы» (см. об этом в [Šik: 172]). В конце встречи Дубчек пообещал взять под свой контроль СМИ, а взамен руководство других стран Варшавского договора обязать не публиковать коммюнике с критикой политики чехословацкого руководства (см. об этом в [Шевченко: 43]).

Но всего через неделю появилась новая угроза для стран ОВД (см. об этом в [Шевченко: 43]). Начали создаваться политические ассоциации, в которых граждане выражали озабоченность по поводу того, что реальная демократизация в стране может не произойти (см. об этом в [Šik: 172]). Эти группы не представляли опасность для политической системы, их целью было предотвратить возможное возвращение старой тоталитарной диктатуры Коммунистической партии в Чехословацкую Социалистическую Республику. Организация «Клуб 231»

состояла из бывших политзаключенных, и его название восходит к номеру статьи Уголовного кодекса Чехословакии. В эту организацию записалось около 70-80 тысяч человек. Был организован «Клуб активных беспартийцев» (по-чешски аббревиатура «KAN»). Среди самых известных беспартийных был также писатель Вацлав Гавел (позже активно протестовавший против вторжения войск в Чехословакию, после «бархатной революции» 1989 года он был назначен последним президентом Чехословацкой Республики и первым президентом Чешской Республики) (см. об этом в [Назаров, Пирин]).

«Программа действий Коммунистической партии» (Дубчек ее завершил в феврале) была окончательно принята на апрельском пленуме. Это был документ, содержащий подробную оценку предыдущих событий и развития в Чехословакии, а также экономических и политических реформ в стране. По словам Дубчека, «Программа действий должна была установить новые ориентиры для демократизации партии и общества.» [Dubček, Hochman: 140]. В программе говорилось о равенстве всех без различия идеологии и предусматривалось принятие закона о печати, исключающего предварительную цензуру. Программа также касалась свободы передвижения: в ней оговаривалось, что люди могли не только свободно выезжать в другие страны, но и постоянно поселиться за границей, не считаясь при этом эмигрантами. Также предполагалась легализация мелких частных компаний (см. об этом в [Dubček, Hochman: 159-160]). В отличие от Брежнева, и на Западе, и в самой Чехословакии программу восприняли положительно (хотя, по оценкам историков, большинство людей не верили, что эти предложения могут быть реализованы (см. об этом в [Williams: 73])).

В скором времени (в апреле того же года) произошли также изменения в политическом составе органов власти Чехословакии. Было создано новое президиум, в котором появились такие имена, как Йозеф Смирковский, Франтишек Кригель, Олдржих Черник и другие (см. об этом в [Dubček, Hochman: 154]). Этот Апрельский пленум Коммунистической партии Чехословакии, на котором были произведены кадровые перестановки и принята «Программа действий», оказал большое влияние на отношения ОВД к текущим чехословацким процессам. По словам Шевченко, с этого момента появилась идея силового решения «чехословацкого вопроса» [Шевченко: 46].

После конференции в Дрездене продолжались московские переговоры, которые состоялись 4 мая (см. об этом в [Латыш: 97]). На этих встречах стало ясно, что Брежнев был лучше осведомлен о событиях, происходящих в Чехословацкой республике, чем сами ее представители (см. об этом в [Латыш: 98-99]). Косыгина в основном интересовали экономические реформы, для Брежнева были важны причины открытия границ с Австрией и Федеративной Республикой Германией. По его словам, с туристами могли приехать «подрывные элементы» и «контрреволюционная литература» [Шевченко: 47].

Интересно, что после приезда из Москвы (7 мая), руководство МВД ЧССР сообщило, что в Чехословакии прекращается глушение западных радиостанций на чешском языке. В это же время в ГДР начали глушить вещания передач чехословацкого радио на немецком языке (см. об этом в [Шевченко: 48]).

8 мая в Москве состоялась встреча руководителей Советского Союза, Польши, Венгрии, Болгарии и ГДР, на которой обсуждалась ситуация в Чехословакии (см. об этом в [Томилина, Карнер, Чубарьян: 63]). Их недовольство по-прежнему было связано с чехословацкими СМИ, особенно с ежедневной газетой «Руде право», и обменом «хороших» коммунистов. Руководители также были обеспокоены демонстрацией, которая прошла 1 мая в Праге, на которую люди вынесли американские флаги. На этой встрече также были высказаны важные претензии к состоянию чехословацкой армии. Якобы для того, чтобы исправить его было решено организовать совместные военные учения в Чехословакии (см. об этом в [Томилина, Карнер, Чубарьян: 64-67]).

Меж тем студенческие волнения росли. 18 мая вновь приблизительно десять тысяч чешских студентов ходили с пивом и петардами по столице и выкрикивали антисоветские лозунги (см. об этом в [Шевченко: 46]).

В июне 1968 года Антонин Капек, член ЦК Коммунистической партии Чехословакии и депутат Национального собрания Чехословакии, направил письмо в ЦК СССР с просьбой о помощи в спасении завоеваний социализма в Чехословакии. Одной из причин, вызвавших это письмо, было выступление в Праге американского профессора Бжезинского, который был женат на внучатой племяннице Эдварда Бенеша (второго президента Чехословацкой Республики). Он читал лекции членам альтернативных политических структур в лице Клуба 231 и Клуба активных беспартийных (КАН). Москва отметила влияние этих лекций в

напечатанном в чехословацкой прессе манифесте «Две тысячи слов» (см. об этом в [Шевченко: 55]).

Документ «Две тысячи слов» был опубликован в газете 27 июня 1968 года, его подписали сотни знаменитых личностей и несколько тысяч простых граждан. Манифест был создан по инициативе сотрудников Чехословацкой академии наук и он рассказывал об «активизации чехословацкой общественности против все еще очевидного давления советского руководства на реформы в стране» [Dolista, Pána: 35]. Документал был написан журналистом и писателем Людвиком Вацуликом. По словам исследователя этих событий, в нем «Правящая система описывалась как бюрократическая диктатура правления эгоистичных и расчетливых трусов, только она не имела ничего общего с правлением рабочих» [Sozanský: 9].

В мае 1968 году в Чехословакии должны были пройти военные учения войск Варшавского договора под названием «Шумава». Переместили их на 20-30 июня 1968 г. Однако и в эти даты учения не были проведены и срок пребывания войск в Чехословацкой республике был провокационно продлен. Лишь 3 августа того же года последние войска покинули страну (см. об этом в [Šach]).

Результаты упражнений не были удовлетворительными. Шелест говорит в своих мемуарах, что чехословацкая армия показала себя как в значительной степени не боеспособную (см. об этом в [Шелест: 216]). Кроме этого, по словам Ота Шика столь длительное пребывание войск в стране вызвало сильное чувство беспокойства у жителей [Šik: 188].

14 июля в Варшаве прошла конференция стран Варшавского договора, в которой, однако, руководство Чехословакии отказалось принять участие (см. об этом в [Шелест: 219]). Первым говорил Гомулка, который заявил, что «в Чехословакии происходит процесс превращения социалистического государства, социалистической Чехословакии в республику буржуазного типа» [Томилина, Карнер, Чубарьян: 111]. Брежнев внес предложение направить письмо руководству Чехословакии, которое поддержали и другие руководители страны. Также решили, что письмо появится в центральной газете у всех участников конференции (см. об этом в [Шелест: 226]).

После конференции в Варшаве советское руководство предложило новую встречу (см. об этом в [Шевченко: 42]). Руководство обоих государств

договорилось, что встреча состоится в городке Чиерна-над-Тисой, последней станции между Чехословакией и СССР (см. об этом в [Havlíček: 87]). В этом путешествии чехословацкое руководство пользовалось большой поддержкой по всей стране. Население заверили, что чехословацкие переговорщики ценят их поддержку, но впадать в крайности нет нужды (см. об этом в [Havlíček: 94]). На этой конференции Дубчек надеялся объяснить Советам все, в чем их обвиняли в Варшаве. К сожалению, это не удалось (см. об этом в [Havlíček: 101]). В итоге было решено, что конференция продолжится в Братиславе через два дня (см. об этом в [Havlíček: 109]).

3 августа 1968 года в Братиславе состоялась «дружеская встреча» шести «братских партий». Ота Шик утверждает, что чехословацкое Политбюро вернулось с этой конференции, полное оптимизма (см. об этом в [Šik: 196]). Судя по всему, на этой встрече Брежневу было вручено второе так называемое пригласительное письмо, содержащее просьбу о «братской помощи». Его подписали пять высших руководителей Коммунистической партии Чехословакии (см. об этом в [Janáček, Michálková]).

Политбюро ЦК КПСС 17 августа приняло постановление «по вопросу о положении в Чехословакии». Оценив ситуацию в стране, они решили оказать военную помощь, так как страной правили опасные контрреволюционные силы и угрожали Чехословацкой Социалистической Республике (см. об этом в [Назаров, Пирин]).

1.3. Насильственное прекращение демократизации страны

По воспоминаниям Дубчека, 20 августа был теплым летним днем, туристы и чехословацкие граждане гуляли по Праге. В этот день он получил письмо от Брежнева, которое по содержанию не сильно отличалось от предыдущих и не содержало никаких указаний на то, что должно было случиться на следующий день (см. об этом в [Dubček, Hochman: 186-187]).

Все старания по реформированию социализма в Чехословакии мирным путём были сорваны 21 августа 1968 года вводом войск Варшавского договора. В Чехословакию приехали войска пяти стран — Союза Советских Социалистических Республик, Германской Демократической Республики,

Венгрии, Польши и Болгарии. Военный кодекс вторжения войск в Чехословакию получил название Операция «Дунай» (см. об этом в [Рауер: 188]). Это был шок для граждан не только одной Чехословакии, и это событие означало, что Центральная Европа снова исчезнет за железным занавесом (см. об этом в [Dolista, Pána: 6]).

Это событие вызвало в Чехословакии большую волну эмоций. Отношения между гражданами ЧСР и солдатами, а также правила их совместного сожительства были неясные и непростые. Большинство жителей думало, что речь идет о кратковременном пребывании солдат на территории Чехословакии и что скоро всё это недоразумение выяснится (см. об этом в [Rejšoch, Tomek: 9]). С первого дня оккупации происходили массовые протесты. Граждане Чехословакии отказались предоставлять солдатам какую-либо информацию, убирали дорожные знаки и названия улиц (см. об этом в [Задорожнюк: 16]). В газете «Руде право» была опубликована статья Яна Дрды (известного чешского писателя) с призывом о том, чтобы не давать оккупантам «ни капли воды». Этому призыва все с удовольствием придерживались (см. об этом в [Шевченко: 84]).

22 августа депутаты Национального собрания Чехословакии призвали правительства стран Варшавского договора отозвать свои войска (см. об этом в [Задорожнюк: 16]). По словам Шелеста, ситуация была критической. Шик и Гаек отправились защищать права Чехословакии в ООН. Гаек выступил с антисоветской речью, и чехословацкий вопрос стал международным. Советский Союз не мог позволить себе применить силу, поскольку это могло спровоцировать гражданскую войну и даже вероятность вмешательства войск НАТО, а оставаться в Чехословакии и ничего не делать означало бы их беспомощность и стыд. Они очень старались не допустить созыва съезда, однако он все же прошел (без словацких делегатов) (см. об этом в [Шелест: 261]). На съезде был избран новый центральный комитет партии и принят ряд докладов и обращений к чехословацкому народу и молодежи (см. об этом в [Задорожнюк: 16]). Реакцией Брежнева на это стало издание приказа арестовать и вывезти из Чехословакии нескольких политработников (см. об этом в [Шелест: 262]).

Дубчека и других чешских политиков Советское руководство заставляло признать, что в стране существует «контрреволюция», а значит — вторжение необходимо (см. об этом в [Dubček, Hochman: 205-206]). Согласно Млынаржу, Брежнев упрекнул Дубчека в том, что тот не слушал его советы и не следовал его

инструкциям. Он напомнил ему, что советские солдаты умирали за Чехословакию во время Второй мировой войны, и это дает ему право отправить свои войска в страну (см. об этом в [Mlynář: 259]).

Коммунистическая партия Советского Союза требовала подписания «соглашения», которое позволяло Политбюро Чехословакия вернуться домой, но в то же время ставило бы точку в деле демократизации в стране. Шик заявляет, что избрание Свободы президентом было неудачным решением, что повлияло на ход переговоров (см. об этом в [Šik: 208]) — Свобода заставил всех чиновников подписать соглашение. Единственным, кто выступил против и отказался подписать это соглашение, был Ф. Кригель (см. об этом в [Шевченко: 85-86]).

В «Московском протоколе» упоминалась фраза о том, что войска СССР будут выведены из Чехословакии после нормализации обстановки в стране. Такая формулировка позволяла Советскому Союзу отложить вывод войск на неопределенный срок. Чехословацкое руководство не прямо признало невыполнение согласованных договоренностей на встрече в Чиерна-над-Тисой (см. об этом в [Шевченко: 85-86]). «Московский протокол» содержал, среди прочего, формулировку, подтверждающую законное военное вмешательство в Чехословацкую Республику, а также обязательство заменить некоторых должностных лиц. (см. об этом в [Mlynář: 234]). Чехословацкому руководству пришлось отозвать жалобу в СБ ООН. Дубчек также вспоминает, что Брежнев хотел сохранить в тайне подписание протокола, но это не удалось — в подписании также приняли участие фотографы и кинооператоры. Переговоры длились с 23 по 26 августа 1968 года, и до последней версии протокола пришлось достичь нескольких компромиссов. Самыми большими сторонниками протокола были президент Свобода и Густав Гусак (см. об этом в [Шевченко: 85]). До вторжения Густав Гусак был на стороне реформаторов, но, по словам Млынаржа, он хотел занять высшую позицию в Коммунистической партии. Гусак произвел хорошее впечатление на членов Московского Политбюро (см. об этом в [Mlynář: 239-240]).

После приезда членов чехословацкого руководства в Чехословакию сначала публично выступил президент Свобода, а затем Дубчек (см. об этом в [Mlynář: 265]). Примерно за десять минут до их выступления на Чехословацком радио транслировалось коммюнике о переговорах в Москве, после чего в стране поднялась волна возмущения (см. об этом в [Navlíček: 160]). Но Дубчек заявил,

что коммюнике было выпущено Советским Союзом, и его содержание было просто вздором и ложью. В своем выступлении он попытался унять нарастающую напряженность (см. об этом в [Havlíček: 160]). Согласно Млынаржу, Дубчеку удалось с этим выступлением сделать нечто нереальное:

Народ снова поверил, что не все потеряно. Что надежда еще есть, и именно Дубчек делает это возможным [Mlynář: 265-266].

После возвращения в страну задержанные остались на прежних должностях, но некоторых реформаторов пришлось заменить. Практически все реформы Пражской весны были отменены и с конца 1968 по 1971 годы СМИ находились под строгим контролем (см. об этом в [McDermott, Stibbe: 9]).

В Чехословакии враждебность к оккупантам росла. С момента прибытия войск 21 августа до подписания соглашения 16 октября, то есть до тех пор, пока солдаты и военнослужащие иностранной армии не были привлечены к ответственности за инциденты в Чехословацкой Республике, оккупантами было совершено множество преступлений. К 3 сентября 72 человека погибли, 266 получили серьезные ранения. Ограничения личной свободы были широко распространены, 172 человека даже были вывезены за границу. Граждане подвергались физическому досмотру, а также их дома, квартиры и автомобили (см. об этом в [Rejšoch, Tomek: 17]). Были и потери Советского Союза: два десятка советских солдат были убиты, 65 ранены и несколько танков было уничтожено (см. об этом в [Шелест: 261]).

Чтобы оправдать вторжение в Чехословакию, в Советском Союзе была создана так называемая доктрина Брежнева. Эта доктрина была официально опубликована в газете «Правда» в сентябре 1968 года и просуществовала до эпохи Горбачева. Она подтверждала обязанность Советского Союза вмешиваться в деятельность и события социалистических государств, в которых возникнет угроза порядку и общим интересам советского блока. Для жителей Восточной Европы эта доктрина означала, что Советское Политбюро имело право решать, представляет ли ситуация в стране угрозу социализму. И если он решит, что социализму угрожает опасность, Советский Союз может вмешаться с применением силы (см. об этом в [McDermott, Stibbe: 12-13]).

1.4. Реакции на ввод войск

Такие государства, как Югославия, Румыния, Италия и Франция выразили свое несогласие с вторжением в Чехословакию (см. об этом в [Шелест: 261]). Демонстрации против оккупации появились и внутри Восточного блока: 25 августа 1968 г. в Москве на Красную площадь вышли несколько человек, 8 сентября на Стадионе Десятилетия в Варшаве чиновник Р. Сивец сжег себя против польского участия во вторжении, точно так же на Украине погиб украинский рабочий В. Макух, который протестовал против коммунистического правительства в Украине, а также против вторжения советских войск в Чехословакию (см. об этом в [Sozanský: 10]).

17 ноября 1968 г., в годовщину трагических событий 1939 г.⁴, студенты устроили забастовку, надеясь, что к ним присоединятся другие люди, но, к сожалению, этого не произошло. Вместо этого им посоветовали не провоцировать оккупантов и вернуться к реальности (см. об этом в [Sozanský: 10]).

16 января 1969 года студент Карлова университета — Ян Палах, поджег себя в знак протеста против оккупации (см. об этом в [Pehe: 198]). Инцидент произошел на Вацлавской площади в Праге, и 20-летний студент был доставлен в больницу, где обнаружили, что 85% его тела обгорело. Он скончался через три дня (см. об этом в [Bratinka: 35-36]). Похороны Палаха завершились многочисленными демонстрациями против оккупации иностранными войсками и в поддержку политики реформ Чехословакии (см. об этом в [Dubček, Hochman: 237]). В Карловом университете был объявлен траур. Это событие потрясло нацию и пробудило ее от депрессии, в которую она постепенно впадала с августа 1968. Следующим так называемым живым факелом был Ян Зайиц, который также сжег себя на Вацлавской площади в конце февраля 1969 года для борьбы с политической ситуацией в Чехословакии (см. об этом в [Bratinka: 41]). Третьим единомышленником был Евжен Плочек. Он сжег себя на площади в Йиглаве 4 апреля 1969 года. Об этом событии в центральной прессе не было сказано ни слова (см. об этом в [Bratinka: 46]).

Важным переломным моментом считается хоккейный кризис, когда чехословацкая команда дважды за неделю обыграла советскую. Празднование

⁴ 17 ноября 1939 года в оккупированной нацистами Праге были арестованы и отправлены в концлагерь более 1200 студентов. Девятерых активистов казнили.

вышло на улицы по всей стране. После победы во втором матче было совершено нападение на филиал Аэрофлота на Вацлавской площади (см. об этом в [Dolista, Pána: 61]).

В апреле 1969 года Дубчек официально подал в отставку. Он не был согласен с избранием Гусака своим преемником, поэтому предложил Черника. Однако Черник отказался и Гусак был единственным кандидатом (см. об этом в [Dubček, Hochman: 240-241]). В том же месяце Густав Гусак был избран первым секретарем ЦК Коммунистической партии Чехословакии (см. об этом в [Mlynář: 275]).

1.5. «Нормализация»

После ввода войск в Чехословакию настало время «нормализации». Страной руководил Густав Гусак, который, по выражению историка этого периода, проводил политику «пряника» к населению и «кнута» к диссидентам (см. об этом в [Шевченко: 91]). В данном случае нормализация означает возврат к «норме», представленной советской моделью (см. об этом в [Williams: 40]). Самой большой угрозой процессу нормализации была оппозиция, поддерживавшая политику реформ. Ради «порядка» руководству Гусака пришлось удалить ее административно-силовыми методами (см. об этом в [Задорожнюк: 93]).

Гусак опасался приближающейся первой годовщины ввода войск в Чехословакию. Поэтому для столкновения с протестующими были вызваны отряды спецоперации. Они даже ожидали использования военной техники, которую действительно пришлось использовать 21 августа 1969 года. Однако Коммунистическая партия Чехословакии была удивлена интенсивностью и масштабами беспорядков (см. об этом в [Dolista, Pána: 61]).

Во время чистки после вторжения сотни тысяч людей потеряли работу и были вынуждены отказаться от своих «ошибок» 1968 года (см. об этом в [Rehe: 5]). Произошли кадровые изменения не только в высших партийных структурах, но и в государственных, профсоюзных и молодежных организациях. Многим людям было отказано в приеме в Коммунистическую партию, и многие члены были исключены. Эмигрировала и чехословацкая интеллигенция — те, кто не уезжал из страны, были вынуждены работать охранниками, пожарными или

администраторами и т. д. Некоторые виды деятельности были полностью запрещены, дети сталкивались с дискриминацией при поступлении в университеты, людей лишали воинских званий и отбирали паспорта. Снова сократились выезды за границу, импорт зарубежных публикаций и фильмов (см. об этом в [Задорожнюк: 68]). Во время «Пражской весны» средства массовой информации сыграли важную роль в происходящих событиях, и теперь им уделялось особое внимание:

Предварительная цензура, хотя и не была восстановлена, но система личной ответственности редакторов и следовавшие за этим суровые санкции сделали свое дело» [Задорожнюк: 68].

Оккупация, продолжавшаяся до 1989 года, затронула жизни многих, как простых людей, так и профессионалов. Те, кто был в то время за границей, остались там, некоторые эмигрировали и реализовали свои способности, а те, кто остался, должны были смириться с тем, что их карьера окончена. В это время люди страдали, ощущали на себе несправедливость и даже умирали (см. об этом в [Dolista, Pána: 61]).

Глава 2. Жизнь и творчество чешской писательницы и журналистки Ирены Доусковой

Вторая глава нашей работы посвящена автору повести «Будь Жегорт», чешской писательнице и журналистке Ирене Доусковой. Это современный чешский автор (род. 1964), и на настоящий момент не существует ее научной биографии ни на русском, ни на чешском языке. Перед нами стояла задача составить ее биографию из доступных нам интервью и критических статей. Основными нашими источниками были электронные ресурсы напр. онлайн журнал ежедневной газеты «Право» и компании “Seznam.cz”, электронные газеты “Pražský deník” (в том числе, ее собственный веб-сайт <http://www.douskova.cz/>), газеты «Право» и журнал «Патек Лидовых новин»⁵.

Кроме биографии, нас, в первую очередь, интересовала ее деятельность как литератора и журналиста, для чего нам пришлось просмотреть газеты «Маскил»⁶, изданные еврейской общиной Чешской республики. В конце этой главы мы отдельно рассмотрим историю создания повести «Будь Жегорт», так как именно она будет находиться в центре нашего исследования.

Собранный нами материал показывает, что биография, творчество, а также журналистская деятельность Доусковой тесно связаны с трагическими событиями чешской истории, рассмотренными нами в предыдущей главе.

2.1. Биография Ирены Доусковой

Ирена Доускова родилась в Пршибраме в Чешской республике 1964 года (см. об этом в [Jindová]). По профессии родители были актерами, поэтому ее детство прошло в театральной среде, что оказало влияние на ее личность, жизнь и творчество. Её дедушка и прадедушка были деревенскими учителями. Дедушка занимался разными областями жизни, он заботился о библиотеке и вел местную хронику, играл на органе в костеле, и умел играть на рояле. По воспоминаниям писательницы, она воспринимала дедушку как героя, поскольку он писал поминальные речи и произносил их на похоронах, которых она так боялась (см. об этом в [Fialková]). Мать Доусковой была энергичной женщиной, которая

⁵ Транскрипция названия.

⁶ Транскрипция названия.

ненавидела всё, что касалось Советского Союза. Показательна такая подробность: детям было запрещено смотреть советские киносказки. Только после специального разговора учительницы с мамой, и просьбы не затруднять жизнь ребенку, Доускова смогла вступить в детскую организацию Искорки, в которую вступали дети первых и вторых классов (аналог октябрятской организации в Советском Союзе) (см. об этом в [Vašák: 34]).

Такая непримиримая позиция родителей рождала у девочки чувство обособленности от других детей (что усиливалось лишним весом, хотя писательница не считает это главной причиной своих проблем). Она всегда хотела быть «самой обычной из обычных», но из-за её детства, проведенного частично в театре и частично в деревне с бабушкой, это не получилось. Биологический отец покинул их с матерью в шестидесятых годах и уехал в Израиль. Не имея с ним никаких контактов, в возрасте 13 лет девочка сменила отцовскую фамилию на девичью фамилию матери — Доускова. Однако вскоре мама снова вышла замуж и приняла фамилию нового мужа, в результате чего девочка единственная в семье оказалась с фамилией Доускова, что вызывало вопросы и насмешки одноклассников и способствовало еще большему отчуждению (см. об этом в [Vašák: 30]).

Несмотря на отсутствие контактов с отцом, большую роль в ранней самоидентификации писательницы сыграло его еврейское происхождение (см. об этом в [Bednářová]). Его мать, отец и брат (то есть бабушка, дедушка и дядя Доусковой) были убиты нацистами во время Второй Мировой Войны в концентрационных лагерях. Бабушка со стороны матери часто рассказывала ей об этих событиях, что повлияло на её психику (см. об этом в [Bednářová]) и на национальное самоопределение — Доускова считает себя еврейкой (см. об этом в [Chourová]).

Из-за эмиграции отца и кадровых проблем матери у неё возникли проблемы с поступлением в учебные заведения — среднюю школу и особенно в университет. После гимназии она попробовала поступить на драматургию на Театральный факультет Академии музыкальных искусств в Праге, а также на журналистику, но это не получилось. Служащий Министерства образования посоветовал ей вступить в партию, проработать год на заводе, после чего пробовать поступать в университет еще раз. Но о вступлении в

коммунистическую партию и для Доусковой не могло быть речи, поэтому она год проработала в библиотеке исследовательского института в районе Беховице и еще год секретарём в «Учительских газетах». Только после этого ей удалось поступить на Юридический факультет Карлова университета в Праге (см. об этом в [Vašák: 29]).

С 1976 года Доускова живёт в Праге. Она окончила юридический факультет в 1989 г., защитив на кафедре истории дипломную работу, посвященную охоте на ведьм, однако юристом так никогда и не работала (см. об этом в [Bednářová; Tvar]). В этом же году во время каникул впервые встретила своего биологического отца в Риме (см. об этом в [Vašák: 32]).

Доускова начала работать драматургом в Культурном центре «Хрпа» в Праге, но вскоре полностью посвятила себя журналистской деятельности, став редактором районной газеты «Свободный голос» в Лоуни (см. об этом в [Vašák: 29; Bednářová]). Потом она сменила несколько мест работы, переходя последовательно в газеты «Млада фронта ДНЕС», «Метрополитан» и в несколько других изданий (см. об этом в [Tvar]).

Как автор, она начинала во второй половине восьмидесятых годов в качестве поэта в провокационной группе «ЛиДи». Совместно с другими членами группы они издали сборник «Пражское чудо» в 1992 году (см. об этом в [Tvar]). Более основательно она занялась литературной деятельностью после того как ушла из редакции и переехала в Германию из-за должности мужа. После возвращения в Прагу, в 2009 году она развелась с мужем и прошла курс химиотерапии из-за выявленного у нее рака (см. об этом в [Bednářová]).

В настоящее время Доускова много сотрудничает с театрами и телевидением, но определяет себя как человека свободной профессии (см. об этом в [Bednářová]).

2.2. Литературная деятельность

И. Доускова утверждает, что, сколько она себя помнит, она всегда писала стихи, и еще до сих пор иногда возвращается к поэзии. Но профессионально она связала свою жизнь с прозой. Говоря о своих писательских установках, Доускова пишет, что осознает влияние на ее прозу жизненных ситуаций, в которых она

находится. Однако по её мнению они не всегда должны прямо проявляться в произведениях (см. об этом в [Fialková]). Несмотря на это утверждение можно заметить, что первые три книги Доусковой отчетливо автобиографичны. Это книги «Голдстейн пишет дочери»⁷ (1997), «Будь Жегорт» (1998) и «Онегин был русский»⁸ (2006) (хотя сама Доускова утверждает, что присутствие автобиографических признаков в этих текстах переоценивается (см. об этом в [Vašák: 30; Tvar])). Первая книга — «Голдстейн пишет дочери» — рассказывает об отношениях отца-эмигранта и его уже взрослой дочери. В книге описывается и препарируется медленное возникновение этих отношений, их развитие и сложные переломы (см. об этом в [Chourová]). Две другие названные нами повести входят в трилогию (последний, третий текст в ней — «Дарда» — написан в 2011 г.). В трилогии, как пишет сам автор, проявилось ее желание вернуться во времена своей юности и пережить их еще раз. И вполне понятно, что, хотя основной сюжет является вымыслом, в повествовании автор опиралась на свои собственные впечатления и воспоминания, вначале школьных, а потом гимназических лет (см. об этом в [Корáч]).

В интервью И. Доускова говорит о своем неприятии сложившегося в критике деления литературы на высокие и низкие жанры. Она не видит в этом делении никакого смысла ни как писатель, ни как читатель и подчеркивает, что глубина произведения не зависит ни от жанра, ни от объема текста (см. об этом в [Tvar]).

По мнению критиков, тексты И. Доусковой, несмотря на то, что они увлекают читателя глубоким погружением в историю и занимательным сюжетом, в основе своей глубоко пессимистичны. Так, в сборнике «Чем отличается эта ночь» (2004) все рассказанные истории принадлежат к различным историческим периодам, но финал у всех рассказов трагический (кроме последнего). Этот сборник поднимает проблемы человеческих инстинктов, в том числе инстинкта самосохранения, и ставит некомфортный вопрос о том, может ли он быть использован как оправдание. Другая сквозная тема этого сборника — проблема веры в высшую справедливость жизни. По мнению писательницы, жизнь не

⁷ Наш собственный перевод.

⁸ Наш собственный перевод.

бывает справедливой и мы всегда должны это учитывать. Эта же мысль также развивается в сборнике «Без Красной шапочки» (2009) (см. об этом в [Fialková]).

Большое влияние на творчество Доусковой оказал Ярослав Гашек, которому посвящен роман «Медвежий танец» (2014). Он повествует о последних месяцах жизни писателя, но в то же время не является биографией в чистом виде. Доускова ставит перед собой нетривиальную задачу: через жизнь Гашека в чешском городе Липнице-над-Сазавоу рассмотреть вопросы о том, что значит «быть чехом» и что такое «чешская судьба». Кроме того, эта биография предлагает альтернативный взгляд на судьбу и фигуру Гашека, расходящийся с традицией его изображения в чешской культуре (с точки зрения пьянства). Её отношение к Гашеку сформировалось еще в детстве, в третьем классе, когда она случайно начала читать его книги. Картинки чешского иллюстратора и писателя Й. Лады на обложке книг ввели в заблуждение и она решила, что книги предназначены для детей. Конечно, тогда она поняла далеко не всё в тексте, но любовь к этому писателю сохранила на всю жизнь. Также из этих книг она рано вынесла представление о том, что жизнь сложнее чем кажется, и за иронией и видимостью счастья очень часто скрывается печаль (см. об этом в [Fialková]).

В 1989 г. Доускова состояла в литературном объединении «ЛиДи»⁹. В ноябре этого года они собрали коллективный сборник стихов. Сборник состоит из четырех частей, каждая из них принадлежит одному автору. Чешское издательство «Млада Фронта» отказалась напечатать их стихотворения в серии «Ладени»¹⁰, в которой появлялись произведения начинающих авторов. В знак протеста члены «ЛиДи» создали свой собственный сборник с пародирующим названием «Кадени» (существительное имя от глагола какать), напечатанный на туалетной бумаге. Позднее в 1992 году этот сборник переиздали под названием «Пражское чудо» (см. об этом в [Vašák: 29-30; Dousková, Reinisch, Lomová, Ulrych]). Раздел этого сборника, написанный Иреной Доусковой, отличается сильным негативизмом (он называется «Я себе что-нибудь сделаю»), и основные темы вошедших в него стихотворений — смерть, одиночество, ностальгия по молодости и т. п. (см. об этом в [Dousková, Reinisch, Lomová, Ulrych]).

⁹ Транскрипция названия, перевод: люди.

¹⁰ Транскрипция названия.

Но, как мы писали выше, поэзия не стала основным видом творчества Доусковой: с конца 1990 гг. она занимается прежде всего прозой. Перечислим основные ее произведения, написанные в те годы: «Голдстейн пишет дочери», «Будь Жегорт», «Кто-то с ножом», сборники рассказов «Доктор Котт размышляет» (2002) и «Чем отличается эта ночь» или «Возможно ты меня поймёшь» (2004). Но популярность ей принесла прежде всего трилогия «Будь Жегорт», «Онегин был русский» и «Дарда», на основании которых были сделаны пьесы (см. об этом в [Vašák: 29]). Произведения Ирены Доусковой переведены на одиннадцать языков. Последняя книга автора была издана в 2018 году под названием «Раквички» (см. об этом в [Jindová]).

По единогласному мнению критиков, И. Доускова редкий автор, у которого есть способность писать каждое новое произведение по-новому (см. об этом в [Tvar]).

2.3. Журналистская деятельность

Хотя И. Доускова работала в нескольких газетах и журналах, из интервью с ней можно заметить, что для нее самая близкая из бывших работ — в журнале «Маскил», где её главной задачей было брать интервью, делать репортажи из сельской местности и писать редакционные комментарии. В работе интервьюера она могла наиболее полно проявить себя, так как, как правило, ей была предоставлена неограниченная свобода по выбору персонажей для ее интервью. Она обращалась только к тем людям, которые были ей интересны, в первую очередь, к чешским актерам и писателям, например Л. С. Малкину, Л. Павлату, Я. Роны и т.д. Доускова описала Маскил как скромный, небольшого объёма журнал. Издателем ежемесячника является еврейская конгрегация Бейт Симха¹¹, не консервативная, а либеральная, и этим журнал Маскил принципиально отличается от «Рош Ходеш» — другого еврейского печатного органа, выходящего в Чешской республике. Маскил более живой, откровенный и менее «академический». В нем можно найти материалы религиозно-образовательного характера, которые связаны, например, с актуальными еврейскими праздниками, изложением определённых частей торы, интервью с разными еврейскими лицами или с

¹¹ Транскрипция названия.

комментариями и статьями о ситуациях в Израиле. Также журнал содержит материалы, касающиеся не только еврейской общины, но также других меньшинств, проблематики расизма, ксенофобии и так далее. Также там часто появляется информация о жизни и деятельности еврейских общин, живущих в Чешской республике (см. об этом в [Tvar]).

И. Доускова, по собственным словам, чаще всего работала над интервью с разными интересными людьми. Ее интересовали люди разного возраста и профессий — от писателей, постановщиков, актёров и певцов, до скульпторов, редакторов газет или директоров разных заведений. Единственное, что объединяло всех этих людей, это еврейское происхождение (см. об этом в [Dousková 2001-2003]). Ее интервью состоят всегда из нескольких частей: вопросы касающиеся профессии отвечающего, иудейства и вопросы, выбранные в зависимости от человека, с которым происходит интервью. Вопросы относительно иудейства во всех интервью в сущности повторяются, чаще всего она спрашивает, какие у них отношения к иудейству, верующие ли они, и иногда добавляет вопросы о том, как они переживают прошлое евреев и антисемитизмом, а также вопросы о жизни в еврейской семье и о соблюдении традиций. Интересно, что все ее гости евреи по одному из родителей и никто из них не правоверный — как и сама писательница (см. об этом в [Dousková 2001-2003]).

Вопросы, которые интересуют Доускову как интервьюера, конечно, зависят от каждого конкретного человека, с которым она беседует, но все же можно вычлениить некоторые сквозные главные темы. В первую очередь, это вопрос отношения к памяти о катастрофе еврейского народа. Особенно это важно в интервью с писателями — касаются ли они этой проблемы в своих текстах? Как эти темы воспринимают их читатели? Эти вопросы регулярно появляются в ее интервью и по всей видимости отражают собственные искания Доусковой как автора художественных произведений, в которых поднимаются эти темы.

В целом из интервью Доусковой можно заметить, что ее в первую очередь занимает отношение ее гостей к иудейству, вопрос их религиозности, частные подробности жизни еврейских общин, а также память о еврейской катастрофе (см. об этом в [Dousková 2001-2003]).

2.4. Сотрудничество с телевидением

По сценарию Доусковой был сделан фильм-сказка «Мицимутр», имевшая большой успех у зрителей (см. об этом в [Fialková]). Предложение об этой работе поступило в самый тяжелый период жизни писательницы (связанный с болезнью), и эта работа помогла ей справиться с подступающей депрессией: по ее собственным словам, она была способна справиться только сказкой. Желание «переписать жизнь» повлияло и структуру текста Доусковой — хотя в целом ее проза тяготеет к трагичности, в этом сценарии финал счастливый. По словам писательницы: «Человек в беде тяготеет к хорошим концам. Если не в жизни, так по крайней мере где-нибудь в другом месте» (см. об этом в [Bednářová]).

Также И. Доускова сотрудничала с телевидением для работы над еще одним фильмом-сказкой — «О сокровищах» (см. об этом в [Chourová]). Она соглашается с главным пафосом сказок — жизнь часто жестока, но одновременно прекрасна, и мы никогда не должны сдаваться, всегда надо бороться (см. об этом в [Fialková]). Написание сценариев к сказкам она принимает как интересный новый опыт. Доускова говорит, что это существенно отличается от написания книг, так как сценарист находится в гораздо большей зависимости от множества условий и вынужден все время идти на компромиссы, а конечный результат зависит от сотрудничества множества людей (см. об этом в [Chourová]).

2.5. «Будь Жегорт»

Критики расходятся во мнении о жанре этой книги — приблизительно половина рецензентов называет «Будь Жегорт» повестью и половина романом. Однако для автора это не имеет значения: «Это действительно не важно, пусть каждый это называет как хочет» (см. об этом в [Tvar]).

Название города, в котором происходит действие, — Ничин — отражает «типичность маленького города» и одновременно ситуацию во время «нормализации», когда жизнь как будто застыла и людям буквально нечем было заняться (см. об этом в [Tvar]). Главную героиню, от лица которой ведется повествование, зовут Хеленка. Она умная девочка и хорошая ученица, но довольно наивна и в ее социуме является аутсайдером по множеству причин (см. об этом в [Koráč]). Это автобиографические черты, к которым писательнице

пришлось вернуться, чтобы вновь пережить и принять их. Это было главной причиной для создания произведения с точки зрения ребенка — ученицы второго класса основной школы. Период детства был для Доусковой бесконечным источником трудностей, провалов и даже травм, но с другой стороны одновременно и творческой деятельности, мечтаний и желаний, а также формирования внутреннего нравственного стержня (см. об этом в [Tvar]). И. Доускова считает детство периодом максимальной восприимчивости человека и в то же время его открытости миру. Ребёнок воспринимает мир не интеллектуально, но эмоционально (иначе говоря, он далеко не все понимает, но все может почувствовать и понять другими способами, которые в старшем возрасте исчезнут). По мнению Доусковой, детский опыт формирует человека более, чем он думает, и чем он согласен допустить, когда вырастает (см. об этом в [Chourová]).

Книга «Будь Жегорт» способна развеселить читателя, в ней есть юмористические моменты (они дополнительно усилены в пьесе, написанной по мотивам книги, и в спектакле с потрясающей чешской актрисой Барой Грзановой), но все же в ней доминирует трагичность нашего быта (см. об этом в [Fialková; Chourová]). Доускова здесь использует её любимый жанр — трагикомедию и мрачный юмор (см. об этом в [Bednářová]). Премьера спектакля по пьесе прошла в Пршибраме, родном месте писательницы, выдержала более 600 постановок и получила несколько престижных премий. Сама И. Доускова воспринимает это произведение как дело ее жизни (см. об этом в [Chourová]). При этом она смотрит на то время без ностальгии и без снисхождения — она описывает трудный опыт жизни своей семьи, но при этом прекрасно понимает, что в других семьях было еще хуже. Об острой актуальности поднятых в книге проблем красноречиво свидетельствует то, что, по воспоминаниям Бары Грзановой, на спектаклях в разных городах верные коммунисты до сих пор поднимаются и со словами «Позор!» уходят из зала (см. об этом в [Bednářová]).

Писательница отдаёт себе отчёт в том, что исправить старые обиды не легко, но самое плохое, по ее мнению, заключается в том, что молодежь почти ничего не знает об этих событиях. Поэтому Доускова сама ездит в школы читать лекции и разговаривать с учителями, которые признают, что коллеги, обучающие детей истории XX века, сокращают эту тему или даже вовсе пропускают (см. об

этом в [Bednářová]). Доускова видит свою роль как писателя, в том числе и в том, чтобы сохранять и стимулировать национальную память. По ее мнению, сейчас у литературы нет такого влияния, как в прошлом, но это не должно останавливать — если писатель повлияет хотя бы на несколько читателей, его работа уже не лишена смысла (см. об этом в [Chourová]).

Глава 3. Анализ перевода повести И. Доусковой «Будь Жегорт»

3.1. Перевод реалий в повести «Будь Жегорт»

В своей работе мы будем опираться на работу известных теоретиков перевода С. Влахова и С. Флорина «Непереводимое в переводе», в которой авторы подробно сосредотачиваются на проблеме реалий. «Реалия» как один из вариантов безэквивалентной лексики напрямую связана с проблемой перевода внеязыковой действительности: «реалия теснейшим образом связана с внеязыковой действительностью» (см. об этом в [Влахов, Флорин: 16]). Рассматриваемая работа может быть охарактеризована как краткое изложение способов и приемов передачи смысла непереводимых слов в рамках общей теории перевода, что, как мы считаем, даст нам ключ к анализу перевода повести И. Доусковой «Будь Жегорт».

В начале работы соавторы пишут о том, что большинство крупных писателей имело свое собственное представление о том, что такое перевод, и многие из них приходили к выводу, что перевод не может ограничиваться поиском эквивалентных слов. Так, А. К. Толстой считал, что самое важное — переводить не слова или даже смыслы, а впечатление, Н. В. Гоголь считал, что в некоторых случаях нужно «отдаляться от слов подлинника нарочно для того, чтобы быть к нему ближе», а К. И. Чуковский писал о том, что надо «переводить смех — смехом, улыбку — улыбкой» [Влахов, Флорин: V]. Вслед за писателями, и теоретики пришли к выводу, что не существует произведений, которые невозможно перевести, так как посредством каждого развитого языка можно выразить содержание, представленное формой другого языка. Однако не всегда возможен дословный перевод, так как из-за особенностей лексики каждого языка некоторые слова не имеют аналогов в других языках, к тому же каждое слово при переводе имеет смысл только в контексте, поэтому дословный перевод необязателен (см. об этом в [Влахов, Флорин: 6]).

«Реалия» — одна из основных причин дословной непереводимости текста. Почти все ученые, писавшие о проблеме перевода, так или иначе касались проблемы реалии, объясняя термин и раскрывая его связь с другими понятиями в филологии. Реалии могут трактоваться учеными по-разному, но они всегда связаны с культурными и историческими особенностями развития языка и задача

переводчика состоит в том, чтобы передать эти особенности, используя различные средства другого языка. Таким образом особое значение в процессе перевода приобретает знакомство с национальными и историческими особенностями, присущими переводимой культуре (см. об этом в [Влахов, Флорин: 5]).

Реалией может быть предмет или атрибут, который описывает культурно-бытовые особенности народов и регионов, уникальное понятие, связанное с отсутствующими в другой культуре традициями и обычаями (тогда она может выступать в роли имени собственного), а также лексическая единица с ее диалектными особенностями и мн. др. (см. об этом в [Влахов, Флорин: 7-12]). Нередко реалии описывают внеязыковые явления и понятия, например, сложные исторические процессы. В таком случае эти процессы невозможно описать одним словом и возникает необходимость разностороннего понимания сути описываемого события (см. об этом в [Влахов, Флорин: 16-17]).

Также при переводе реалий иногда важно обращать внимание и на происхождение слов. Так, в книге “Hrdý Budžes” появляется слово “komtesa”, которое правильное всего было бы перевести на русский как «графиня». Однако тогда пропал бы французский колорит этого слова, важный для оригинального текста. В итоге М. Юдина перевела это слово как «мадемуазель», пожертвовав точностью, но предпочтя сохранить эту чужую особенность слова.

Иногда важно учитывать и фонетические особенности (например, транскрипцию или ударение), потому что важно, чтобы перевод фонетически приблизился к подлиннику в максимальной степени (см. об этом в [Влахов, Флорин: 19]). В рассматриваемой нами книге И. Доусковой мы находим хороший пример, демонстрирующий то, как важно учитывать фонетические особенности слова при его переводе. Так, героиня книги использует обращение “paní”, которое на русский переведено как «пани» — то есть «госпожа». Казалось бы, случай простой, но И. Доускова использует вариант “paní” с коротким ‘i’ в конце (в отличие от правильной литературной формы с долгим ‘i’ в конце, которая в книге “Hrdý Budžes” не появляется вообще), что связано и особенностями речи главной героини, и с общим стилистическим обликом книги, о котором мы еще будет говорить ниже.

Как отмечают Влахов и Флорин, наибольшую трудность с грамматической точки зрения представляют заимствованные реалии. Для слов иностранного происхождения возможно воспроизведение слова в той же самой форме или же адаптация под грамматическую модель принимающего языка. При этом исходное слово может незначительно трансформироваться. Этот механизм заимствования во многом вызывает проблему при переводе (см. об этом в [Влахов, Флорин: 26-27]).

В анализируемом нами тексте есть показательный пример работы переводчицы с заимствованной лексикой. В книге писательница использует слово “živijó”, заимствованное из сербохорватского языка. Оно взято из песни “Daleko me biser mora (daleko me moj Split)” из популярной оперетты хорватского композитора, которая часто используется в качестве поздравления с днем рождения и пожелания долгой жизни и здоровья (см. об этом в [Starcevic; Vebrová, Krajíček: 365]). Эта песня неизвестна русским читателям, и это подтолкнуло переводчицу к поиску аналога, в итоге она остановила свой выбор на словосочетании «многая лета», которое в русской культуре также используется в качестве пожелания здоровья и долгой жизни. Оно, как и сербский вариант, заимствовано из песнопения, но с совершенно другим бэкграундом — это часть православного богослужения, и в современном языке это словосочетание ощущается как архаичное и принадлежащее высокому стилю. Поэтому выбор переводчицы вряд ли можно назвать адекватной заменой.

Отдельно соавторы ставят вопрос о том, как распознать реалии в тексте? Они пытаются сформулировать признаки реалий и рассмотреть лингвистические явления, объединенные более общим понятием «реалия». В итоге они приходят к перечисления разных групп лексики, которые чаще всего являются реалиями: локализмы, этнографизмы, неологизмы, алиенизмы, слова с культурной компонентой, экзотическая лексика, слова с переносным значением и безэквивалентная лексика (см. об этом в [Влахов, Флорин: 36-41]).

Приведем примеры реалий некоторых типов, рассмотрим, как они представлены в анализируемой нами книге, и какую стратегию выбирает переводчица при попытке перевести их на русский язык.

В “Hrdý Budžes” есть немало примеров этнографических реалий. Ряд из них связан с традициями празднования рождества. Так, И. Доускова упоминает отсутствующий в русской культуре праздник Микулаш (“Mikuláš”) и Ежишика, который приходит в чешские дома на Рождество и дает детям подарки. В обоих случаях переводчица выбирает однотипный путь передачи этнографической реалии: передает слово с помощью транскрибирования и дает к нему подстрочное примечание¹². Но совсем другую стратегию она выбирает для перевода на русский названия традиционного чешского перочинного ножика “gybička” («рыбка»). Его чешское название связано с его формой — традиционно эти ножи оформляют в виде рыбки. М. Юдина переводит его просто как «ножик», что передает предметный смысл, но при этом теряется национальный колорит. Таким образом видно, что переводчица использует разные стратегии в зависимости от того, насколько ценной ей представляется переводимая реалья: в первых двух случаях она бережно относится к национальной специфике и передает слова с помощью транскрибирования, посчитав обе реалии важными для чешской культуры, в последнем же примере ею был передан лишь предметный смысл реалии, а дополнительными смыслами переводчица сочла возможным пожертвовать.

Влахов и Флорин много места в своей работе уделяют проблеме транскрибирования, говоря, что это — один из основных приемов передачи безэквивалентной лексики. Транскрибируя, переводчик стремится сохранить «чужое» в «своем» (в то время как перевод старается сделать «чужое» «своим», присвоить его (см. об этом в [Влахов, Флорин: 87]).

Влахов и Флорин принимают следующее определение транскрипции: «Транскрипция — это передача звуков иноязычного слова (обычно собственного имени, географического названия, научного термина) при помощи букв русского алфавита» [Влахов, Флорин: 208]. При этом способе перевода важно сохранить фонетические черты переведенного слова в максимальной степени (см. об этом в [Влахов, Флорин: 208]). При транскрипции большую роль играют алфавитные системы. При переводе «из латиницы в латиницу», как правило, графически слово не изменяется. Однако в этом случае не учитываются фонетические различия в

¹² Микулаш - «Святой Николай Чудотворец. 5 декабря в Чехии к детям приходит Микулаш с чертом и ангелом и тем, кто хорошо себя ведет, дарят подарки, а непослушным — уголь» [Доускова: 26]; Ежишек - «Младенец Иисус, приносящий детям подарки на Рождество» [Доускова: 18].

обоих языках и может возникать искажение слов. При переводе из разных алфавитов или «из кириллицы в кириллицу» важно принимать во внимание фонетические особенности слов в обоих языках (см. об этом в [Влахов, Флорин: 208-209]).

Другой способ передачи реалии — перевод. Он может быть совершён введением неологизма, калькой, полукалькой, освоением слова и семантическим неологизмом (см. об этом в [Влахов, Флорин: 88-89]). Перевод может быть приблизительный (стремится передать значение, но часто исчезает национальный колорит, как в приведенном нами выше примере с “*tybíčka*”) и контекстуальный перевод (перевод зависит от контекста) (см. об этом в [Влахов, Флорин: 90, 92]).

В некоторых случаях при переводе может меняться значение слов, но это не оказывает большого влияния на смысл предложения. Ниже представлен фрагмент текста, показывающий такие трансформации¹³.

To bych teda asi neuměla, já utíkám děsně pomalu, ale Secký, ten byl šikovnej, byl takovej dobrodružnej a taky měl tu dvojku z chování [Dousková 2002: 92].

Это бы (я) действительно наверное не умела, я бегу страшно медленно, но Сецкий, этот был умелый, был такой авантюристический и тоже у него была **двойка по поведению**.

Я бы, наверное, так не смогла, я бегаю ужасно медленно, но у Сецкого хорошо получалось, он очень смелый, и еще у него была **четверка по поведению**. [Доускова: 108].

Изменения в переводе связаны с тем, что в чешской и русской школах разные системы отметок, что Юдина поясняет в подстрочном примечании. На общий смысл текста это влияния не оказало.

Другой пример специфической реалии — реалия историческая. Такие реалии связаны с определенной эпохой, их можно найти в произведениях старых авторов, но не только: также они появляются в современных произведениях, описывающих прошлое. Соавторы предупреждают, что это разные типы реалий, и

¹³ Везде в нашем тексте, где мы сравниваем оригинал и перевод, мы приводим текст в трех столбцах: первый - оригинальный текст на чешском, второй - наш подстрочник, третий - перевод М. Юдиной. В дальнейшем мы не будем это отдельно оговаривать.

переводить их надо по-разному: в первом случае исторические реалии должны быть переведены современным языком, но с лексическими и грамматическими особенностями подлинника, чтобы передать исторический колорит слова (см. об этом в [Влахов, Флорин: 133]). Во втором случае исторические понятия, включенные в современную книгу, имеют архаизирующую функцию, и было бы принципиально неверно переводить их калькой или описательным переводом, так как это бы было против авторского замысла (см. об этом в [Влахов, Флорин: 135]). При переводе архаизмов можно использовать транскрипцию, устаревшие слова собственного языка, реже диалектизмы и заимствования или семантические неологизмы (см. об этом в [Влахов, Флорин: 140]).

К историческим архаизирующим реалиям, которые появляются в «Будь Жегорте», можно отнести название детской организации “jiskřičky” существовавшей в социалистической Чехословакии с 1958-ых до 1989-ых годов, и бывшей чешским аналогом советских октябрят (с первого по третий класс дети ходили в искорки, а потом становились пионерами). В русском переводе это передано как «искорки», то есть буквально переведено:

Kačenka mi nechce dovolit chodit do jiskřiček, protože jiskřičky a pionýři jsou prej malý komunisti. [Dousková 2002: 9]	Каченка мне не хочет позволить ходить в искорки, потому что искорки и пионеры являются, говорят, маленькими коммунистами.	А мне не разрешают ходить в искорки, потому что искорки и пионеры — маленькие коммунисты. [Доускова: 16].
---	---	---

Пионеры существуют в Чехии до сих пор, но про искорки современные дети уже не знают, поэтому к обоим словам М. Юдина написала подстрочное примечание.

Другую стратегию перевода Юдина выбирает, когда речь идет о так называемых “esenbáci”. Это слово образовано от аббревиатуры “SNB” (“Sbor národní bezpečnosti” — корпус национальной безопасности) и повторяет форму устного произнесения этой аббревиатуры. Практически речь идёт о чехословацком полицейском аппарате во время коммунистического режима, и М.

Юдина использовала для перевода неологизм «каэнбэшники», образовав его по образцу существующего в русском языке слова кагэбэшник, точно так же образованного от аббревиатуры «КГБ», как “esenbáci” от “SNB”.

Одними из самых сложных для перевода считаются фразеологические единицы. К ним относятся идиомы, пословицы (а также крылатые выражения, сентенции и афоризмы), образные и необразные единицы и так далее [Влахов, Флорин: 179]. Как пишут Влахов и Флорин, распознать такую единицу нелегко, потому что их характер в большой степени не отличается от обыкновенных слов и их связь с контекстом не очевидна (см. об этом в [Влахов, Флорин: 180]). К их переводу существуют три подхода. В идеальном случае фразеологизм передается эквивалентом (тоже фразеологизмом) в переводе. Второй возможностью является перевод аналогом. И только если невозможно использовать эквивалент или аналог, необходимо переводить другими, нефразеологическими средствами (см. об этом в [Влахов, Флорин: 183]).

К фразеологизмам в книге “Hrdý Budžes” можно отнести словосочетание «выглядишь как польский еврей». Это неполиткорректное выражение означает «неопрятного человека» (по-видимому, его возникновение относится ко времени после Первой мировой войны, когда евреи из Польши массово переселялись в Чехию и Моравию). В русском языке аналогичного выражения нет, и его прямой перевод был бы непонятен русскому читателю. М. Юдина его передала как «ты выглядишь как еврей после погрома». Такого фразеологизма в русском языке так же не существует, но значение этой фразы должно быть более понятно человеку русской культуры при сохранении общего антисемитского характера фразы (хотя современной подростковой аудитории все равно может быть сложно уловить нюансы смысла).

Другой пример удачного перевода фразеологизма — это перевод М. Юдиной идиомы “vykašlat se”. С первого взгляда это слово можно перевести как «достаточно откашлять». Согласно словарю чешской фразеологии и идиоматики 2016 года [Šermák: 482] значение глагола соответствует значению глагола «сознательно забыть». На русский язык оно было переведено как «наплевать на кого-нибудь», что соответствует значению этого выражения:

<p>„Jestli se smějou takovej krásnej básničkám, tak jsou pitomí a můžeš se na ně klidně vykašlat“ [Dousková 2002: 155].</p>	<p>Смеются ли таким красивым стихотворениям, так они глупые и можешь на них спокойно наплевать.</p>	<p>– Кто смеется над таким красивым стихотворением, тот глупец, и ты можешь на это спокойно наплевать [Доускова: 177].</p>
---	---	--

Отдельную группу реалий представляют имена собственные. О принципах их перевода написано уже очень много, и основным способом передачи имен собственных на другой язык признано транскрибирование, кроме редких исключений, при которых имя все же необходимо переводить (см. об этом в [Влахов, Флорин: 208]). Какой именно способ выбрать, зависит от нескольких обстоятельств: от данного имени, от контекста и «от связанной с ним и его референтом традиции» [Влахов, Флорин: 211]. При транскрипции собственных имен важно, существует ли уже графический перевод определенного имени или имя будет транскрибировано в первый раз. Если перевод уже существует, то надо использовать именно его, хотя в некоторых случаях его можно переписать в связи с современными нуждами (см. об этом в [Влахов, Флорин: 209]).

Анализируемая нами книга особенно интересна в этом отношении, поскольку уже ее название представляет собой сложную игру с именем собственным. “Hrdý Budžes” — ошибка восприятия героини повести, которая слышит по радио стихотворение Станислава Костки Неймана “A hrdý bud’, žes vytrval...” («И гордым будь, что (ты) выдержал...»¹⁴) и полагает, что речь в нем идет о человеке по имени Hrdý Budžes. За этой словесной игрой стоит авторское отношение к непонятному и непроницаемому для ребенка миру взрослых (что является одной из основных тем повести), поэтому сохранить и передать эту игру в переводе было особенно важно. Найденный переводчицей эквивалент передает также и характерную фонетику устной речи: «Будь Жегорт» она пишет с «т» на конце — типичная ошибка младшеклассника, пишущего на слух и еще не твердо знающего правила орфографии. Это соответствует особенности названия книги на чешском: правильно было бы Budžes (а не Budžes), с мягкой формой «д».

Кроме вымышленной фамилии в названии, фамилии персонажей в книге везде транскрибируются: Macháčková – Махачкова, Pera Eliáš – Пепа Элиаш и т.д. Хотя некоторые из фамилий в книге говорящие, как, например, фамилия

¹⁴ Наш собственный перевод.

Koláčková (Пирожкова) или Hřůza (Ужас), но переводчица не использует эту возможность для дополнительной семантизации текста.

Еще одной важной категорией реалий являются обращения, которые считаются характерными компонентами этикета речи и существенно усложняют работу переводчика (см. об этом в [Влахов, Флорин: 227-228]). Соавторы делят обращения на несколько типов. Первым типом являются обращения «обычной вежливости». Далее следуют обращения «в зависимости от общественного и социального положения». Третий тип — обращения «в зависимости от родственных и других близких отношений». Следующим типом являются «вузальные обороты». Пятым типом являются обращения «в зависимости от эмоционального-экспрессивного содержания». Последний тип — это «оклики, окрики и обращения к животным».

Влахов и Флорин отмечают, что обычно обращения вежливости надо переводить соответствующим аналогом на языке перевода. Но бывают случаи, когда они транскрибируются, что также передает национальный колорит. Именно так в основном поступает М. Юдина, транскрибируя чешские обращения “pane” и “paní”, которое хорошо понятно русскому читателю и четко связано в его сознании с культурой западно-славянских народов. Но в отдельных случаях она все же предпочитает эквивалентный перевод («господин»), а в одном использует неэквивалентный синоним - «уважаемый»:

„Pane, jestlipak už jste slyšel, co natropil ten husí mor?“	– Господин, слышал ли вы уже, что натворила эта гусиная чума?	– Вы слышали, уважаемый, что натворила эта гусиная чума?
„Ne, pane, to jsem neslyšel“ [Dousková 2002: 138-139].	– Нет, господин, я это не слышал.	– Нет, уважаемые, не слышал [Доускова: 160].

Эти колебания достаточно интересны. В процитированном эпизоде два человека симулируют, что не знакомы и поэтому, “pane” звучит немного издевательски. Можно предположить, слово «уважаемый» используется здесь переводчицей именно для передачи ироничности ситуации.

Еще один заслуживающий внимания пример — слово “babi”, переведенное как «бабушка». “Babi” — короткая форма слова “babička” («бабушка») в звательном падеже. Это обращение к бабушке широко употребляется в разговорной речи (как и обращение “máti”, которое переведено на русский язык как «мама»). В настоящее время такое обращение не употребляется. Оно разговорное и звучит устаревшим, но в переводе эти стилистические нюансы утрачиваются.

С обращениями к мужчинам связана еще одна сложность рассматриваемой нами повести: преимущественно в таких обращениях в ней используется форма именительного падежа, тогда как нормативным является использование звательного падежа. Это характерно для разговорной, а не литературной речи, и добавляет тексту повести определенную стилистическую окраску, но в русском переводе эти нюансы сохранить не удалось.

В целом именно отклонения от литературной нормы (диалект, просторечие, жаргон, арг и ломаная речь), по мнению Влахова и Флорина, являются действительно непереводаемыми компонентами текста. Подобные отклонения бывают двух типов — коллективные отклонения (это значит, что данное отклонение используется в целом произведении) и отдельные отклонения от нормы, которые используются как «речевые характеристики персонажей». Влахов и Флорин ссылаются здесь на А. В. Федорова, который отметил возможности перевода этих отклонений другими средствами — функциональным переводом или компенсацией, и на И. Левого, который указал на то, что не важно чтобы подлинный разговорный оборот соответствовал просторечию в переводе, но необходимо чтобы сохранилось общее впечатление (см. об этом в [Влахов, Флорин: 252]).

В целом для “Hrdý Budžes” характерно использование разговорного и нелитературного языка, т.е. «общего чешского языка» (“obecná čeština”), а также широко распространены вульгаризмы. Переводчица М. Юдина в некоторых местах старалась приблизиться к этому типу языка, но следовала этому принципу не всегда, иногда намеренно смягчая и «олитературивая» стиль перевода.

Приведем несколько примеров. Главная героиня, Хелена, в оригинале излишне описывает детали, что производит впечатление спонтанной детской речи. В русском переводе это впечатление сглажено:

Taky pro něj měla udělanou jednu schovávačku v gauči, do kterýho vyvrtala díry na vzduch, aby tam moh bejt Krause ukrytej, kdyby přišlo gestapo [Dousková 2002: 46].

Также для него (она) имела сделанный один тайник в диване, в который просверлила дыры на воздух, чтобы там мог быть Краусе скрытый, когда бы пришло гестапо.

Еще у нее был тайник в диване, в котором она просверлила дырки для воздуха, чтобы Краус там прятался, если придет гестапо [Доускова: 58].

В этом фрагменте на чешском языке появляется несколько нелитературных выражений. Это например “schovávačka” (на литературном языке “skrýš, úkryt”) или версии слов “moh” (на литературном языке “mohl”), “bejt” (правильно “být”) и тд. Также на чешском языке появляется больше слов, чем на русском, напр., «для него», «сделанный», «одну». Поэтому кажется, что текст на чешском языке звучит менее нормативно и по-детски.

Ср. также следующее предложение:

Ale ta se umřela sama [Dousková 2002: 9].

Но эта «умерлась» сама.

Она сама убила себя [Доускова: 15].

В книге “Hrdý Budžes” употребляется возвратный глагол «умереть», что невозможно с точки зрения правильного литературного языка. Поэтому это предложение звучит совсем коряво. Читателю, владеющему чешским языком, даже не сразу понятно значение этого предложения, понимание приходит только при чтении следующей фразы. В русском переводе использована правильная и не вызывающая трудностей понимания конструкция. Эти примеры показывают, что Доускова старалась последовательно воспроизводить детскую манеру речи, но М. Юдина не смогла (или сознательно не захотела) передать это в русском тексте. Мы видим в этих отклонения от оригинала нечто большее, чем просто трудности перевода, а именно — определенную переводческую задачу, о чем будет сказано в следующем параграфе нашей работы.

3.2. Анализ стратегии переводчицы повести «Будь Жегорт»

В этой главе мы постараемся сравнить текст книги “Hrdý Budžes” и его перевод на русский язык. Мы рассмотрим ряд конкретных примеров для того, чтобы понять, есть ли в отклонениях от оригинала определенная тенденция? В первую очередь, нас будет интересовать вопрос, меняется ли в результате работы переводчицы стиль повести и ее общий смысл?

Повесть написана таким образом, что читатель во время чтения все время чувствует детский взгляд на происходящие события. Ребенок воспринимает окружающий мир иначе, чем взрослый человек, часто воспринимая окружающий мир не разумом, а чувствами. И. Доусковой удастся это передать, в том числе, с помощью ряда стилистических приемов, в том числе, отказавшись от идеализации детского языка. В повести язык ребенка приближается к реальному — часто неправильному и достаточно грубому — языку.

Мы попытаемся сопоставить оба текста, сравнивая их на разных уровнях: синтаксиса, лексики и грамматики.

3.2.1. Лексический уровень

Как мы уже писали выше, текст повести в оригинале имеет яркую стилистическую окраску. Сниженность стиля проявляется во всем произведении: почти в каждом предложении мы находим не только разговорную речь, но также грубые выражения и ругательства. Эта грубость языка прямо связана с основной идеей книги: «маленький мир» людей прямо отражает события «большого мира». Если боль и агрессия существуют на уровне государств, то они непременно будут существовать и в более мелких сообществах: школе, театре, семье. Язык является прямым отражением этой жизни, иногда выражая ее грубость, а иногда являясь средством защиты от нее (так в тексте появляется юмор).

Чаще всего грубая лексика появляется в прямой речи взрослых. В речи детей ругательства также встречаются, но реже, и зачастую вызвана их незнанием точного значения слов — дети просто копируют взрослых.

Рассмотрим характерный пример. Хелена не знает, что значит слово “kurva” («сука»), но это слово ей нравится и она произносит его в адрес своей бабушки:

„Až za chvíli, prosím tě, já
ještě nemám hlad, ty kurvo“
[Dousková 2002: 32].

«Только через минуту,
пожалуйста, я еще не
проголодалась, ты сука».

«Чуть-чуть попозже,
пожалуйста, я еще не
проголодалась, сука-блин»
[Доускова: 42].

Переводчица находит чешскому ругательству точный эквивалент («сука»), но отметим, что на чешском это грубое слово дано вместе с местоимением “ty” («ты»), то есть оно использовано в функции обращения. Можно предположить, что Хеленка воспроизводит не столько само ругательство, сколько всю конструкцию, которую она слышала от мальчиков, а они, в свою очередь, скорее всего, услышали это от ссорящихся взрослых (скорее всего — от мужчины к женщине). Таким образом Доускова не только смешит читателя нелепостью неуместно использованного ругательства, но и доносит более глубокую и трагическую мысль о разладе семьи в Чехии в это время (что, как мы писали выше, в повести является отражением агрессии в «большом мире»). В переводе эти смыслы оказываются затушеванными: переводчица заменяет обращение («ты сука») оборотом-паразитом («сука-блин») и, соответственно, социальный конфликт переключается в плоскость проблемы низкого культурного уровня.

Попытка смягчить грубость оригинала проявляется и в других местах перевода. Так, например, разозлившаяся мать главной героини — Каченка, выкрикивает грубое ругательство, не стараясь его смягчить, и не смущаясь присутствием дочери:

„Všichni! Všichni! Pořád
všichni!“ křičela Kačenka.
„Ať jdou všichni do prdele“
[Dousková 2002: 133].

– Все! Все! Всегда все! –
кричала Каченка. – Пусть
все идут в жопу!

– Все! Все! Всегда все! –
Каченка кричала. – Пускай
все идут в черту [Доускова:
154].

Мы видим, что перевод существенно смягчен относительно оригинала. Стилистическая специфика текста Доусковой (которая намеренно насыщает свой текст грубостями, поскольку только они могут передать грубость и жестокость

окружающего мира) оказывается слишком новаторской для переводчицы, которая стремится остаться в рамках привычной русской культуре «идеализирующей» литературы для подростков.

Впрочем, так происходит не всегда, некоторые грубые обороты все же переведены точно — видимо, :

„Jen ji nechte! Jen nechte to dítě, ať vidí, jak vypadá život. Vopravdickej, zkurvenej život“ [Dousková 2002: 67].	– Только ее оставьте! Только оставьте этого ребенка, пусть видит, как выглядит жизнь. Настоящая, сучья жизнь.	– Оставьте ее! Оставьте этого ребенка, пусть знает, как выглядит жизнь. Настоящая, сучья жизнь [Доускова: 81].
--	---	--

В следующем примере тоже можно отметить некоторое смягчение оригинала. Речь идет о сленговом значении глагола “bouchnout”, которое используют две сплетничающие женщины в разговоре друг с другом. Этот глагол буквально можно перевести как «ударить», но его сленговое значение скорее соответствует русскому слову «трахнуть» (происхождение которого тоже связано с семей «ударять», поскольку «трах» — это звук при ударе). Интересно, что слово “bouchnout” в значении “вступить с кем-то в половую связь” использовано в тексте с ошибкой (в сленговом значении этот глагол употребляется с префиксом z — “zbouchnout”), которая связана с тем, что разговор слышит Хелена, которая не знает слова “zbouchnout”, но знает “bouchnout” и слышит то, что для нее знакомо. Глагол «отодрать» кого-то имеет немножко другое значение, чем чешский вариант слова “zbouchnout”. Оно не связано с беременностью и в сленговом значении даже более вульгарно, но зато его второй смысл — «выпороть», что, вероятно, по мысли переводчицы, и должна была понять Хелена. Переводчик М. Юдина могла внести в предложение глагол «обрюхатить» или «трахнуть» вместо глагола «отодрать» и это бы было ближе к значению глагола в произведении “Hrdý Budžes”, но тогда пропала бы игра между двумя значениями — тем, который вкладывают в это слово взрослые, и тем, которое слышит Хелена.

„Už tu kurvu zase někdo bouchnul“ [Dousková 2002: 96]?	«Уже эту суку опять кто-то ударил (трахнул)?»	«Опять эту суку кто-то отодрал?» [Доускова: 113]?
--	---	---

Отметим, что слово “kurva” в этом примере было переведено буквально («сука»), как и в остальных примерах с этим ругательством. Можно предположить, что эта лексема по какой-то причине была легитимизирована переводчицей и не вызывала стремления ее заменить менее грубым аналогом.

Для лучшего понимания следующего примера необходимо сделать небольшой комментарий. Приведенные ниже слова принадлежат отцу Карела — новорожденного младенца. В подлиннике опять использованы более грубые выражения и даже вульгарные выражения. В этом примере интересно то, что М. Юдина добавила еще одно предложение, хотя в остальных случаях она, как правило, наоборот, предложения сокращает. Добавленное предложение «Ты ему будешь на фиг не нужна!» по сути дублирует предыдущее («Плевать он будет на тебя!»). Кажется, что добавленное предложение является компенсацией пропущенного грубого слова “vysrat se” на чешском языке. У него есть эквивалент на русском языке: слово «насрать», которое можно было бы использовать в переводе, но, видимо, оно кажется слишком грубым или слишком физиологичным, поэтому переводчица заменяет его гораздо более нейтральным «плевать» (разговорным, но не вульгарным). Но чтобы сохранить эмоциональность реплики отца, М. Юдина решила продублировать это предложение:

„Karel! To bude jinej frajer než já! Ten se na tebe vysere! A já se stejně ještě dám k bolševikům, ať se má Karel dobře [Dousková 2002: 129]!”

«Карел! Это будет другой молодец чем я! Тот (он) на тебя насрет! И я всё равно еще присоединюсь к большевикам, пусть Карелу хорошо!»

«Карел! Вот это будет парень, не то что я! Ты ему будешь на фиг не нужна! Плевать он будет на тебя! А я еще и прибьюсь к большевикам, чтобы Карелу было хорошо [Доускова: 150]!»

Следующий пример стихотворный — это стишок, написанный в туалете. Он содержит уже встречавшееся в других местах текста оскорбительное слово «срать» (на чешском языке одинаковое слово “srát”), которое спрягается по всем правилам чешского языка:

Na kostele zvoní zvon	На костеле звонит	Из костела слышен звон,
Seru, sereš, sere on,	колокол	Я сру, ты срешь, срет и
Na mou věru	Сру, срешь, срет он,	он,
jak tak seru	на мою веру	В голове все время
Tak mi přišlo na mysl	как так сру	мысль,
jak sral kníže Přemysl	так мне пришло на	Как же срал тут князь
[Dousková 2002: 23].	мысль	Пржемысл [Доускова:
	как срал князь	33]
	Пржемысл.	

Здесь главная цель переводчика — сохранить размер и рифму, что обусловило ряд изменений в стихотворении на русском языке. Трудность также заключается в обороте “na mou věru” (буквальный перевод «на мою веру»), которое значит «действительно, на самом деле». Из-за этого произошли некоторые сдвиги значения, но в целом мы считаем результат удачным. Преувеличенная грубость осталась, также как и комичность стихотворения, что и было задачей переводчика.

Мы рассмотрели ряд примеров перевода сниженной лексики и ругательств в повести «Будь Жегорт». Как уже было сказано выше, обилие этой лексики тесно связано с основной идеей произведения. Ругательства в нем свидетельствуют не столько о низком социальном уровне и плохом образовании героев, сколько являются отражением недовольства и раздражения как в бытовой, так и в социальной и политической жизни. В то же время видно, что переводчица в целом старалась смягчить значения обидных выражений, а некоторые слова, по-видимому, казались ей недопустимыми в литературе для подростков.

Перевод слов “Rusák” и “Rus” на русский язык

В повести идет речь о жизни в Чехии после советской оккупации 1968 года. И хотя формально на территорию Чехословакии были введены войска стран Варшавского договора (куда входил не только СССР), в реальной жизни было понятно, что вина за произошедшее лежит на руководителях СССР, что естественным образом вызвало рост антирусских настроений. Это одна из важных тем повести, которую при этом особенно трудно передать именно в переводе на

русский. Представляется, что именно в переводе соответствующей лексики стратегия переводчицы должна проявиться ярче всего, поэтому рассмотрим их отдельно.

В чешском есть несколько способов обозначения этнонима «русский»: слово “Rus” (множ. число “Rusové”) как нейтральное название человека русской национальности и слово “Rusák” (множ. число “Rusáci”), выражающие то же самое, но, как правило, с отрицательной оценкой. В книге “Hrdý Budžes” используются обе лексемы, но чаще именно лексема “Rusák – Rusáci”, что прямо связано с основной идеей повести. Заметим, что это слово не пришло в язык вместе с оккупацией (см. об этом в [Prošek]), а существовало задолго до того, например, его можно встретить в романе Алоиса Йирасека «Ф. Л. Век» (1898) или в романе Карела Чапека «Фабрика абсолюта» (1922). Несмотря на долгую историю, оно считается обидным и не используется в официальном языке (например, его нельзя увидеть в газете или услышать по радио).

В русском тексте мы видим, что М. Юдина не делает разницы в переводе этих слов, всегда используя для передачи этнонима нейтральную лексему «русский», а также не пытается найти какие-то компенсаторные средства для передачи дополнительного негативного смысла. Рассмотрим несколько примеров:

To asi myslela **Rusové** nebo možná komunisti, protože **Rusové** a komunisti jsou svině, ale nesmí se to říkat [Dousková 2002: 9].

Это наверное имела в виду русских или может быть коммунистов, потому что русские и коммунисты – свиньи, но нельзя это говорить.

Наверное, она имела в виду **русских** или коммунистов, потому что **русские** и коммунисты – свиньи, только это нельзя говорить [Доускова: 15].

Ten kulatej stůl s jednou nohou a s dlouhým ubrusem, co jsem pod něj vlezla při tom pohřbu nebo když do Zákopů přijeli **Rusáci** [Dousková 2002: 35]

Тот круглый стол с одной ногой и с длинной скатертью, что я под ней влезла во время тех похорон или когда в Закопы приехали русские (обидное слово).

Под тем круглым столом с одной ногой и с длинной скатертью, куда я забралась во время похорон или когда в Закопы приехали **русские** [Доускова: 46]

Když potom přišli **Rusáci**,
odjela do Ameriky taky ta
jejich holka Hana
[Dousková 2002: 46-47].

Когда потом пришли
русские (обидное слово),
уехала в Америку тоже эта
их девушка Хана,

Когда потом пришли
русские, то в Америку
уехала и их дочь
[Доускова: 59].

Особенно интересен следующий случай, когда в оригинальном тексте идет речь об изменении отношения чехов к русским (раньше русские были хорошие, а сейчас они — “Rusáci”). На русском языке, к сожалению, опять употребляется нейтральное слово «русские» и этот дополнительный смысл пропадает (хотя общий негативный оттенок, конечно, сохранен):

Výlet byla akce k 9. květnu,
kdy Sovětský svaz s
partyzány a s komunistama
osvobodil naši vlast od
Němců, protože tenkrát ještě
byli **Rusáci** hodný
[Dousková 2002: 59-60].

Поход был мероприятие к
9 мая, когда Советский
Союз с партизанами и с
коммунистами освободили
нашу родину от немцев,
потому что тогда еще были
русские (обидное слово)
добрые.

Поход был мероприятием в
честь 9 мая, когда
Советский Союз с
партизанами и
коммунистами освободили
нашу родину от немцев,
потому что тогда **русские**
еще были хорошие
[Доускова: 72-73].

В предыдущих примерах, несмотря на использование переводчицей нейтрального слова, все же всегда из контекста было понятно отношение чехов к русским (хоть негативное отношение было выявлено и не так ярко, как в чешском тексте, поскольку пропадала стилистически окрашенная лексема). В следующем примере этот смысл полностью исчезает. В подлиннике очевидно, что Макаренко, о котором идет речь — плохой человек, потому что он был русский (а кто он был — не сообщается). Вопреки этому, в русском переводе не только используется нейтральное слово «русский», но еще и добавляется отсутствующее в оригинале уточнение «русский воспитатель», что как бы дополнительно характеризует его с положительной стороны:

V divadle ji neobsadili ani do Paní Marjánky, matky pluku od Josefa Kajetána Tyla, ani do Začínáme žít od **Rusáka** Makarenka [Dousková 2002: 92].

В театре ее не заняли ни в Пани Марьянку, матери полка от Йозефа Каэтана Тыла, ни в «Начинаем жить» от русского (обидное с.) Макаренко.

В театре ей не дали роль в «Пани Марьянке — матери полка» Йозефа Каэтана Тыла и даже в «Начинаем жить» по книге **русского воспитателя** Макаренко [Доускова: 108].

Следующий пример — стихотворение, которое было написано в гостиничном туалете, где побывала Хеленка с семьей. Оно также содержит обидное название русских “Rusák”, но здесь негативный смысл этого слова дополнительно усилен его соседством с очень вульгарным словом “čurák” (причем эти слова почти складываются в рифмопару: “nežli Rusák — čurák Husák”). Согласно «Академическому словарю современного чешского языка» (2017-2022) у этого грубого слова два значения: мужской половой орган и вульгарная ругань, обозначающая мужчину. Из контекста предложения мы понимаем, что слово использовано во втором значении. Русский перевод, хотя и сохраняет общее негативное отношение, выраженное в этом стихе, но в гораздо более мягкой форме. Можно с первого взгляда заметить, что на русском языке эта почти нецензурная грубость не была передана, хотя видно, что переводчик М. Юдина хотела сохранить рифму в стихотворении:

Horší nežli Rusák
je ten čurák Husák
[Dousková 2002: 23].

Хуже чем русский
тот мудака Гусак.

Хуже русских
Только Гусак [Доускова:
33].

В рассмотренных примерах перевода этнонима «русский» еще ярче, чем в предыдущих случаях, проявилась тенденция переводчицы к смягчению негативного содержания повести и олитературиванию стиля. Это вполне объяснимо: представляя повесть русским читателям, переводчица пыталась балансировать между необходимостью донести точку зрения чешского народа и желанием сделать чтение не столь травматичным.

3.2.2. Синтаксический уровень текста

Синтаксис авторской речи в повести “Hrdý Budžes” своеобразен. В нем преобладают длинные сложные предложения, которые выражают поток речи и мысли ребенка–рассказчика. Ребенок разговаривает без пауз и его речь отличается многословием: «чем больше – тем лучше». Это определяет структуру предложений в повести. В русском переводе эти длинные сложные предложения, как правило, делятся на несколько простых (или сложных, но более коротких) предложений. Как пример рассмотрим одно такое сложное предложение в книге “Hrdý Budžes” и его перевод на русский язык. Хеленка излишне подробно описывает произошедшую с ней историю, что выглядит стилистически необычным. Но М. Юдина и здесь проявляет тенденцию к идеализированию через «сглаживание» стиля: она убирает «лишние» слова, в целом сокращает предложение и делит его на несколько коротких. Это превращает «поток сознания» в обычную авторскую речь, особенность стиля оригинала не сохраняется. Если переводчик переводил бы данное предложение с «более излишними» словами, оно сохранило бы иллюзию непосредственного детского высказывания.

A já nevím proč, protože byla hodná a veselá a já jsem jí měla ráda, protože mě schovala, když jsem kousla Zdenku do ruky, protože jsem s ní nechtěla dělat dvojici na oběd, a ona chtěla a nedala si to vysvětlit, že já nechci [Dousková 2002: 9].

А я не знаю почему, потому что (она) была добрая и веселая и она мне нравилась, потому что меня спрятала, когда (я) укусила Зденку в руку, потому что (я) с ней не хотела делать пару на обед, и она хотела и не дала это объяснить, что я не хочу.

Я не понимаю почему, ведь она была добрая и веселая. И она мне нравилась, потому что спрятала меня, когда я укусила Зденку за руку. Я тогда не хотела с ней в паре идти на обед, а Зденка не слушала [Доускова: 15].

Приведем еще один аналогичный пример:

Když jsem šla včera domů z němčiny, tak už byla tma a bylo moc krásný počasí, protože strašně padal sníh a foukal vítr a svítily všechny výlohy a byly v nich vánoční ozdoby [Dousková 2002: 11].

Когда (я) шла вчера домой с немецкого, так уже была тьма и была очень красивая погода, потому что ужасно падал снег и дул ветер и светили все витрины и были в них рождественские украшения.

Когда я вчера возвращалась с немецкого, было уже темно. Шел сильный снег, дул ветер, светились витрины, и в них рождественские украшения [Доускова: 18].

Здесь также хорошо видна манера переводчицы: одно длинное предложение разбито на два более коротких, одно словосочетание вовсе опущено: “bylo moc krásný počasí” — «была очень красивая погода» (причем трудно понять, почему переводчица его не сохранила — кажется, просто действует общая тенденция к сокращению и упрощению текста). В результате эффект передачи внутренней речи ребенка опять пропадает.

Иногда переводчица не делит сложное предложение на несколько коротких, но выделяет отдельную мысль и помещает ее в скобки внутри сложного предложения, тем самым облегчая его понимания. Заметим также, что это является признаком «взрослого» синтаксиса, что противоречит авторской интенции представить историю, увиденную глазами ребенка нам:

Tak jsem šla hodně pomalu, abych si to pěkně užila, a trochu jsem jedla sníh, to můžu, ten není žádnéj sladkej, a dělala jsem stopy [Dousková 2002: 11].

Так (я) шла очень медленно, чтобы (я) красиво провела время и немного ела снег, это могу, тот не никакой сладкий, и (я) делала следы.

Я шла совсем медленно, чтобы как следует всем насладиться, и немного ела снег (его мне можно, он никакой не сладкий) и оставляла следы [Доускова: 18].

Из приведенных выше примеров (их количество можно было бы умножить) видно, что переводчица М. Юдина ставила перед собой задачу сделать текст менее сложным для чтения. Она стремилась убрать «лишние» по ее мнению слова из текста, разделить длинное предложение на несколько более коротких или

каким-либо другим образом отделить главную мысль от второстепенной. Однако эти изменения существенно влияют на стиль оригинала, авторская речь теряет сходство с потоком детского сознания и становится гораздо ближе к привычному идеализированному стилю литературы для подростков.

3.2.3. Грамматический уровень текста

Выше мы рассмотрели лексический и синтаксический уровни текста, ниже остановимся на уровне грамматическом. Автор использует и грамматические средства, чтобы добиться своих стилистических задач: приблизить речь персонажей и главной героини к спонтанной разговорной речи. Для этого Доускова широко использует нелитературные варианты префиксов, суффиксов и окончаний разных частей речи, а также разговорные типы склонения и спряжения.

Так, в чешском тексте неоднократно повторяются разговорные окончания имен прилагательных, напр.: “komunistický hvězdy” вместо “komunistické hvězdy”, “americkéjch cigaret” вместо “amerických cigaret”. Эти стилистические нюансы в переводе опущены, в русском тексте стоят «коммунистические звезды» и «американских сигарет». К сожалению, русский язык не позволяет отразить эти особенности, однако характерно, что переводчица не ищет и компенсаторных средств для передачи «неправильностей» в речи персонажей.

Добавление «в-» перед основами слов, начинающимися на гласный звук «о-» — также нелитературная форма чешского языка, и она часто используется в чешском тексте: “vostuda” вместо “ostuda”, “vopravdu” вместо “opravdu”. Эти слова тоже не получили в переводе никакой стилистической окраски (первое слово переведено глаголом «опозориться», второе — наречием «действительно»).

Также в подлиннике появляются глаголы прошедшего времени мужского рода с пропущенными конечными буквами ‘l’. Напр., “řek” (правильно “řekl”) и “ukrad” (литературная форма “ukradl”). В книге не всегда использованы подобные нелитературные выражения, иногда употреблена правильная форма, но в переводе эти различия пропадают.

И. Доускова применяет в творительном падеже имен существительных множественного числа окончание -ma вместо -mi. В произведении найдем много слов в такой форме, напр. “prázdninama” или “tužkama”. Литературная форма этих

слов — “prázdninami, tužkami”. Оба слова женского рода, “prázdniny” еще pluralia tantum. Переводчик включила в текст точный перевод этих слов: «каникулами» и «карандашами». В творительном падеже найдем тоже существительное «коммунистами». На чешском языке творительный падеж слова отличается от остальных примеров, потому что “komunista” мужского рода. Правильная форма творительного падежа на чешском языке “komunisty”. Опять в книге “Hrdý Budžes” употребляется нелитературная форма “komunistama”, но в переводе она имеет литературную форму. Окончание -ma употребляется только в связи с парными органами тела или у числительных оба и два. Примерами парных органов в творительном падеже являются “ušima” («ушами») или “očíma” («глазами»). Если говорим о непарных телесных органах, напр. о ножках стула, то существительное склоняется по типу женского рода: “židle se třemi nohami” («стул с тремя ногами»). Пример числительного: “dvěma syny” («двумя сыновьями»). С этими окончаниями при обычном разговоре управляться сложно и для людей самый легкий подход — говорить неправильно и использовать один тип окончания.

Описанные отклонения от литературной нормы слов не обязательно связаны с образованием человека или его социальным статусом, хотя некоторую роль это, конечно, играет. Но большее значение имеют роль территориальные особенности: так, в Моравии (восточной территории Чешской республики) больше следят за правилами окончаний, а в остальной Чехии чаще говорят с неправильными окончаниями. В целом, в западной части Чешской Республики говорится в большей степени общим чешским языком (т.е. нелитературным) чем в Моравии. К сожалению, в переводе все эти слова потеряли свою особенность «нелитературности», и русский читатель не сможет почувствовать ни стилистического своеобразия повести, ни связанных с ним дополнительных смыслов, которые понятны чешскому читателю.

3.2.4. Фонетический уровень

Последний уровень текста, с которым экспериментирует писательница, касается способа произнесения некоторых слов. Все обнаруженные нами случаи отклонений вновь связаны с попытками передать внутренний мир ребенка,

который воспринимает незнакомые ему слова на слух с ошибками, либо показывают, то дети не знают, как то или иное слово правильно пишется.

Приведем несколько примеров и рассмотрим, как их переводит М. Юдина.

Хелена произносит “Ňujork” и “Bachoven”, имея в виду “New York” и “Beethoven”. Искажения вызваны ее незнанием этих имен и тем, что она воспринимает их со слуха. Оба раза переводчица сохраняет в русских словах «ошибку» героини: «Ньюйорк» и «Баховен».

Следующий пример принадлежит речи другого персонажа повести — младшему брату Хелены Пепичеку, еще плохо выговаривающему букву ‘r’ и случайно повторяющему за взрослыми ругательства “kulva” и “pldel” (не зная их значения). Сочетание грубых слов с детским, незрелым произнесением тесно связано с основной мыслью книги (о чем мы писали выше). Однако соответствующие русские слова не содержат буквы «р», но переводчица здесь находит изящный выход из положения: для русских детей представляет сложность не только произношение звука «р», но также свистящие и шипящие звуки, которые в этих словах есть. Поэтому ее перевод выглядит следующим образом: «сука» как «шука» и «жопа» как «сопа». Таким образом ей удается сохранить в своем переводе важное для идеи книги сочетание грубости и детскости.

Следующие слова, которые мы рассмотрим, тоже произнес Пепичек:

„Lyby já nelad, já lači zízek“
[Dousková 2002: 70].

Рыбы я не люблю, я лучше
шницель.

«Лыб я не люблю, я люблю
больфе фницель»
[Доускова: 85].

Здесь отражена та же особенность Пепичека — он плохо выговаривает слова. Правильно эта фраза должна звучать следующим образом: “Ryby já nerad, já radši řízek”. Пепичек не может произносить буквы ‘r’ и ‘ř’ и вместо этого автор вставила ‘l’ и ‘z’. Слово “radši” написано, как оно произносится — без ‘d’ и вместо ‘š’ написано ‘č’. В русском переводе есть одна буква «р», которую переводчица вслед за оригиналом заменяет на «л», но дальше она не может

последовать за оригиналом и вынуждена найти аналоги, что ей вполне удается («больфе», «фницель»).

Приведенные примеры показывают, что отклонения в произнесении персонажами слов переводчица старается в своем тексте сохранить. Но показательно, что это относится только к тем отклонениям, которые связаны с особенностью детской речи, но не особенностями речи взрослых (выше мы писали, что использованный в повести разговорный вариант обращения “rapí” никак не отразился в переводе). Думается, это может быть связано с ориентацией переводчицы на традицию русской детской книги, в которой со времен К. Чуковского много внимания уделялось именно фонетическим аспектам детской речи. Иногда особенность детского произнесения даже становилась сюжетной основой отдельного рассказа, как например, в рассказе В. Драгунского «Заколдованная буква». Таким образом проявляется ориентированность переводчицы на традиционную детскую литературу, привычную для российского читателя.

Заключение

Наша работа посвящена творчеству чешской писательницы Ирены Доусковой, о жизни которой русские читатели впервые узнали недавно — после перевода на русский язык ее повести «Будь Жегорт» (2018 г.). Именно это произведение было в центре нашего анализа. Доускова в повести вспоминает свое детство, ее собственный опыт на фоне происходящих событий в Чехословакии в начале 1970-х гг., и пытается осмыслить его с позиций человека конца XX в. — все это нашло отражение в рассматриваемом произведении. Перевод «Будь Жегорта» был создан в 2018 году (в год пятидесятилетия вторжения в Чехословакию) при поддержке Министерства культуры Чешской Республики. Нас заинтересовал вопрос о том, как этот сложный период в истории Российско-чешских отношений будет представлен русским читателям. В тексте Доусковой отражены эмоции и проблемы жизни чехословацкого народа, и мы в работе попытались раскрыть особенности перевода с чешского языка на русский.

Методологически мы опирались на монографию «Непереводимое в переводе» Влахова и Флорина и вначале рассмотрели перевод с точки зрения присутствия в нем «реалий» разных типов. Мы сопоставили чешский текст с русским и постарались оценить работу переводчицы с безэквивалентной лексикой и контекстуальными выражениями. После сравнения мы проверяли и оценивали определенные выражения.

В целом в повести “Hrdý Budžes” использовано много чешских реалий, от исторических до диалектных. Ко всем группам мы постарались найти примеры и проанализировать, каким образом они были переведены на русский язык. Мы отметили, что М. Юдина часто пользуется транскрибированием реалий и иногда при этом для объяснения она дает подстрочные примечания, поясняющие значение данной реалии — чтобы русские читатели лучше понимали значение чешских названий, еды, праздников, организаций, писателей и так далее. В нескольких случаях переводчик все же использовала перевод, подыскивая подходящий по смыслу аналог, однако, как правило, это влекло за собой обеднение смысла.

Понимая сложность задачи переводчицы — представление русскому читателю его образа в глазах соседнего народа (причем образа негативного), мы

постарались выявить возможную тенденциозность в стратегии ее перевода. Эта тенденциозность связана с понятным желанием сделать чтение менее травмирующим. Для этого мы рассмотрели работу переводчицы с разными уровнями текста — лексическим, синтаксическим, грамматическим и фонетическим.

На лексическом уровне мы в основном сосредоточились на проблеме перевода грубой лексики и ругательств, поскольку их в тексте оригинала много и они составляют важную часть стиля повести. Грубость языка и общения отражают людские эмоции и являются результатом проблем, связанных с политической ситуацией в стране. Самым ярким проявлением этой тенденции в тексте является использование оскорбительного варианта этнонима «русский» (“*Rusák*”). В книге “*Hrdý Budžes*” оно употребляется чаще, чем нейтральное название, и передает отрицательное отношение чехов к русским. Этот тип лексики оказался наиболее показательным для понимания стратегии переводчицы: ни разу в русском тексте повести мы не увидели попытки переводчицы найти какие-то компенсаторные приемы для передачи негативного оттенка смысла этого этнонима.

В ходе нашего анализа мы также заметили, что грубые слова, не связанные с названием русских, переводчица тоже часто старается смягчить, найти сниженной лексике менее грубый налог что, видимо, связано с ее стремлением приблизить общий стиль книги к традиционному для русской литературы «идеализирующему» детскому и подростковому чтению.

Анализ синтаксического уровня текста показал, что в подлиннике И. Доускова употребляет длинные сложные предложения, часто нагружая их избыточными с точки зрения передачи информации словами. В чешском тексте это производит впечатление спонтанной речи ребенка, как и было задумано автором. Переводчица стремилась последовательно упростить синтаксис, разделив длинные предложения на несколько коротких и сократив «лишние», по ее мнению, слова и выражения. Это привело к тому, что авторская речь, хоть она по-прежнему ведется от лица ребенка, оказалась гораздо больше приближенной к речи взрослого рассказчика. Текст стал легче читаться и больше походить на привычные образцы подростковой литературы, главная задача которой — доходчивость.

Стратегия переводчицы, по нашим наблюдениям, отличается лишь в работе с передачей в тексте фонетических особенностей детской речи. Здесь нами не было замечено никакой тенденциозности, все примеры были адекватно переведены на русский язык, а в случае невозможности сделать точный перевод, М. Юдина везде находила адекватный аналог, проявляя большую изобретательность. Этот уровень текста очевидно вызвал особо внимательное отношение переводчицы, что, по нашему мнению, связано с хорошо разработанной в русской детской литературе традиции передачи специфической детской фонетики.

Резюмируя, можно сказать, что перевод повести И. Доусковой «Будь Жегорт» — важное событие для российского общества, поскольку это один из немногих текстов, по-русски рассказывающих о трагических событиях 1968 г. в Чехословакии и об их влиянии на частную жизнь простых людей в последующие годы. Перед переводчицей стояла сложная этическая задача — рассказать русскому читателю о том, как плохо о нем думали (и быть может, до сих пор думают) в соседнем государстве, о вине СССР перед Чехословакией и о том, какие это имело последствия для репутации России в глазах чехов. При этом повесть Доусковой ориентирована на подростков, а значит, должна оставаться увлекательной. Как нам кажется, стратегия переводчицы, которую мы пытались реконструировать в своем анализе, строится на попытке баланса между этими двумя задачами. М.Юдина упрощает стилистические эксперименты и смягчает грубость лексики ради того, чтобы донести до читателя основной посыл книги в более привычной (а значит, и лучше воспринимаемой) форме.

Список использованной литературы

I

1. Доускова: *Доускова, И.* Будь Жегорт. Москва: Розовый жираф, 2018.
2. Dousková 2002: *Dousková I.* Hrdý Budžes. Brno: Petrov, 2002.

II

Источники к биографии Ирены Доусковой

3. Bednářová: *Bednářová V.* Pořád trochu mimo. Pátek Lidových Novin, 18. Praha. 2012.
4. Chourová: *Chourová, K.* Irena Dousková: Hra Hrdý Budžes byla tak trochu zázrak. Pražský deník. 29 декабря 2015. <https://prazsky.denik.cz/z-regionu/irena-douskova-hra-hrdy-budzes-byla-tak-trochu-zazrak-20151229.html> (02.08.2020)
5. Dousková 2001-1: *Dousková I.* Víra je dobrá, církve nestojí za nic. Maskil, 1(3), 5762nd ser. Praha. 2001.
6. Dousková 2001-2: *Dousková I.* Rozhovor: Svého druhu názor na život. Maskil, 1(7), 5762nd ser. Praha. 2001.
7. Dousková 2002-3: *Dousková, I.* Dveře právě pootevřené — Rozhovor s Robertem Haasem. *Maskil*, 2(7), 5763rd ser. Praha. 2002.
8. Dousková 2002-4: *Dousková I.* Deset roků po... Rozhovor s předsedou bratislavské židovské obce Peterem Salnerem. *Maskil*, 2(7), 5763rd ser. Praha. 2002.
9. Dousková 2002-5: *Dousková I.* Rozhovor: Vykřičený krám a JINÉ záludnosti... *Maskil*, 2002(8), 5763rd ser. Praha. 2002.
10. Dousková 2003-1: *Dousková I.* Pytel Plný Papírků. *Maskil*, 2(9), 5763rd ser. Praha. 2003.
11. Dousková 2003-2: *Dousková I.* Představte si! Taková náhoda! Rozhovor s Lilian Malkinou. *Maskil*, 2(11), 5763rd ser. Praha. 2003.
12. Dousková 2003-3: *Dousková I.* Kdyby Jeruzalém nebyl z kamene... *Maskil*, 3(1), 5764th ser., 4-6. Praha. 2003.

13. Dousková 2003-4: *Dousková I.* Zkoumání rubu a líce – rozhovor s Arnoštem Goldflamem. *Maskil*, 3(3), 5764th ser., 4-6. Praha. 2003.
14. Dousková 2003-5: *Dousková I.* Lauderova škola ve stávce. *Maskil*, 3(3), 5764th ser. Praha. 2003.
15. Dousková 2003-6: *Dousková I.* Kde je zakopán pes.... *Maskil*, 3(3), 5764th ser. Praha. 2003.
16. Dousková 2003-7: *Dousková I.* Čistá lež. *Maskil*, 3(3), 5764th ser. Praha. 2003.
17. Dousková 2004: *Dousková I.* Dávat lidi dohromady – rozhovor s Peterem Gyorim. *Maskil*, 3(8), 5764th ser. Praha. 2004.
18. Dousková б.д.: *Dousková I.* Ruština. Stránky Ireny Douskové. Без даты создания. <http://www.douskova.cz/preklad/rustina/> (22.12.2020)
19. Dousková, Reinisch, Lomová, Ulrych: *Dousková I., Reinisch J., Lomová L., & Ulrych P.* Pražský zázrak. Praha: Pražská imaginace, 1992.
20. Fialková: *Fialková, M.* Irena Dousková – Jako bych ještě nic nenapsala. Stránky Ireny Douskové. Ма́й 2016. <http://www.douskova.cz/rozhovor/irena-douskova-jako-bych-jeste-nic-nenapsala/> (02.08.2020)
21. Jindová: *Jindová, M.* Spisovatelé do knihoven — Irena Dousková. Kulturní dům Veselí nad Lužicí. Без даты создания. <http://www.kd-veseli.cz/klient-2131/kino-374/stranka-13106/film-286940> (02.08.2020)
22. Kopáč: *Kopáč R.* Humor je druhem duševní hygieny. *Právo*, (93), 16th ser. Praha. 2006.
23. Tvar.: *Tvar: Literární obtýdeník.* Každá výprava do dětství je velmi dobrodružná a vždycky jde o život: Rozhovor s Irenou Douskovou. Stránky Ireny Douskové. Без даты создания. <http://www.douskova.cz/rozhovor/kazda-vyprava-do-detstvi-je-velmi-dobrodruzna-a-vzdycky-jde-o-zivot/> (22.12.2020)
24. Vašák: *Vašák, V.* Osobnosti mezi řádky: Rozhovory: Miroslav Donutil, Hynek Bočan, Irena Dousková, Radůza, Pavlica a Redl, Vlastimil Třešňák, Iva Bittová, Petr Pavel, Jaroslav Čvančara, Ota Ulč, Anna Gregor, Věra Doušová, Jan Jelínek, George Agathonikiadis, Paul Millar, Marian Karel, Václav Kopta, Hynek Čermák, Ondřej Sokol, Josefina, Emílie a Antonie Formanovy, Janek

Ledecký, Alena Mihulová, Otmar Oliva, Steve Loveček Lichtag, Svatopluk Smola, Jitka Zelenková, Karel Schwarzenberg. Praha: Vašut, 2019.

Исследования и другие источники

26. Академик: *Академик*. academic.ru 2000-2021.
<https://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/1629859> (07.06.2021)
27. Čermák: *Čermák F.* Slovník české frazeologie a idiomatiky 5. Onomaziologický slovník. Voznice: Leda, 2016.
28. Ústav pro jazyk český AV ČR: *Ústav pro jazyk český AV ČR.* Akademický slovník současné češtiny [online]. 2017-2022.
<https://slovníkcestiny.cz/heslo/%C4%8Dur%C3%A1k/> (16.05.2022)
29. Vebrová, Krajíček: *Vebrová J., Krajíček T.* Slovník cizích slov. Praha: Nakladatelství PLOT. 2006.

29. Влахов, Флорин: *Влахов С., Флорин С.* Непереводимое в переводе. Москва: Международные отношения. 1980.
30. Задорожнюк: *Задорожнюк Э Г.* От крушения Пражской весны к триумфу «бархатной» революции. Из истории оппозиционного движения в Чехословакии. Москва: «Индрик», 2008.
31. Латыш: *Латыш М В.* «Пражская весна» 1968 г. и реакция Кремля. Москва, 1998.
32. Назаров, Пирин: *Назаров О. & Пирин Д.* ХРОНИКА «ПРАЖСКОЙ ВЕСНЫ». Историк. 22 августа 2018
<https://xn--h1aagokeh.xn--p1ai/posts/2018/08/22/hronika-prazhskoj-vesnyi.html>
(16.08.2020)
33. Томилина, Карнер, Чубарьян: *Томилина Н. Г, Карнер С. & Чубарьян А. О.* «Пражская весна» и международный кризис 1968 года. Москва: Международный фонд «Демократия», 2010.
34. Шевченко: *Шевченко К.* От импровизации к цугцвангу: Пражская весна 1968 года и Варшавский договор. Москва: REGNUM, 2019.

35. Шелест: *Шелест П. Е.* Да не судимы будете. Дневники и воспоминания члена политбюро ЦК КПСС. Москва, 2016.
36. Berwid-Buquoy: *Berwid-Buquoy J. N.* Co to bylo "Pražské jaro" 1968 a přepadení Československa Sovětskou armádou 21. srpna 1968. Praha: MJF, 2018.
37. Bratinka: *Bratinka P.* Ve jménu života vašeho... Praha: Univerzita Karlova, Nakladatelství Karolinum, 2019.
38. Caruth: *Caruth C.* Unclaimed Experience: Trauma, Narrative and History. 1996.
39. ČTK: *Česká tisková kancelář* Film Dubček se mění na seriál, Brežněva má hrát Depardieu. Novinky.cz. 15 октября 2020
<https://www.novinky.cz/kultura/filmy-serialy/clanek/film-dubcek-se-meni-na-serial-brezneva-ma-hrat-depardieu-40339334> (7.4.2021)
40. Dolista, Pána: *Dolista J. & Pána L.* Odkaz Pražského jara pro současnost a budoucnost. České Budějovice: Vysoká škola evropských a regionálních studií, 2008.
41. Dubček, Hochman: *Dubček A & Hochman J.* Naděje umírá poslední: Vlastní životopis Alexandra Dubčeka. Praha: Svoboda-Libertas, 1993.
42. Havlíček: *Havlíček D.* Jaro na krku: Můj rok 1968 s Alexandrem Dubčekem. Olomouc: Burian a Tichák, 2018.
43. Janáček, Michálková: *Janáček F. & Michálková M.* Bez dovolení neotvírat. Zvací dopisy „pomohly odvrátit kontrarevoluci" v Československu. Česká televize. 3 августа 2018
<https://ct24.ceskatelevize.cz/domaci/2527153-bez-dovoleni-neotvirat-zvaci-dopisy-pomohly-odvratit-kontrarevoluci-v-ceskoslovensku> (22.11.2020)
44. LECA production: *LECA production* O Filme.
<http://lecaproduction.com/film/o-filme/> (8.4.2021)
45. McDermott, Stibbe: *McDermott K. & Stibbe M.* Eastern Europe in 1968: Responses to the Prague Spring and Warsaw Pact invasion. Cham, Switzerland: Palgrave Macmillan, 2018.
46. Mlynář: *Mlynář Z.* Mráz přichází z Kremlu. Praha: Mladá fronta, 1990.
47. Pauer: *Pauer J.* Praha 1968: Vpád varšavské smlouvy; pozadí — plánování — provedení. Praha: Argo, 2004.
48. Pehe: *Pehe J.* The Prague Spring: A mixed legacy. New York: Freedom House, 1988.

49. Pejčoch, Tomek: *Pejčoch I. & Tomek P.* Okupace 1968 a její oběti: Nové pohledy na invazi armád Varšavské smlouvy do Československa roku 1968, počátek okupace a její oběti. Praha: Vojenský historický ústav, 2017.
50. Petráš, Svoboda: *Petráš J. & Svoboda L.* Jaro '68 a nástup normalizace: Československo v letech 1968-1971. Praha, České Budějovice: Ústav pro studium totalitních režimů, 2017.
51. Pražské jaro: *Pražské jaro.* Historie festivalu. 2020. <https://festival.cz/o-nas/historie-festivalu/> (08.06.2021)
52. Prošek: *Prošek M.* Odkdy používáme výraz Rusák? Dvojka, Český Rozhlas. 9 октября 2014 <https://dvojka.rozhlas.cz/odkdy-pouzivame-vyraz-rusak-7549265> (8.1.2022)
53. Sozanský: *Sozanský J.* 1969 rok zlomu. Praha: Symposion. 2015.
54. Starcevic: *Starcevic Z.* Mnoga ljeta zivijo pivovar... iDNES.cz/ BLOG. 16 августа 2011 <https://starcevic.blog.idnes.cz/blog.aspx?c=205599> (23.5.2022)
55. Šach: *Šach J.* Vojenské cvičení ŠUMAVA, předzvěst konce Pražského jara '68. Vojenský historický ústav Praha. 4 августа 2014 <http://www.vhu.cz/vojenske-cviceni-sumava-predzvest-konce-prazskeho-jara-68/> (05.11.2020)
56. Šik: *Šik O.* Jarní probuzení — iluze a skutečnost. Praha: Mladá Fronta, 1990.
57. Williams: *Williams K.* The Prague Spring and its Aftermath: Czechoslovak Politics, 1968-1970. Cambridge: Cambridge University Press, 1997.

Resümee

Üks olulisemaid sündmusi Tšehhoslovakkia ajaloos toimus 1968. aastal. Parema tuleviku lootuses liberaliseerimisperioodil, mida kutsuti Praha Kevadeks, 21. augustil, langes riik depressiooni. See sai alguse Varssavi Pakti armee sissetungist ja jätkus kuni Velveti revolutsioonini aastal 1989. Peale riiki sissetungi algas normaliseerimisajastu Tšehhoslovakkias. Inimesed lahkusid riigist, kaotasid töö ja mõni isegi elu.

Normaliseerimisajastu on kajastatud meie uuritud raamatus „Hrdý Budžes”. Romaan põhineb Tšehhi kirjaniku Irena Dousková mälestustel. I. Douskováal oli lapsepõlves probleeme. Tema bioloogiline isa oli juut ja emigreerus Iisraeli. Tema emal oli negatiivne hoiak kõige suhtes, mis oli seotud venelaste ja Nõukogude Liiduga. I. Dousková alustas kirjutamist luuletustest ja jätkas proosaga. Ta töötas ka juudi ajakirjas ja intervjueris kuulsaid Tšehhi juute või Tšehhi juutidest kirjanikke. Tema elutöö on mainitud raamatus „Hrdý Budžes”.

„Hrdý Budžes” tegevus toimub 1972. aastal ja peakangelane ning samas ka jutustaja on väike tüdruk Helena. Terve lugu on kirjutatud kaheksa aastase tüdruku silme läbi. Laps näeb maailma täiskasvanust erinevalt, kasutades emotsioone rohkem kui intellekti. Romanis kasutab I. Dousková oma lemmikuid tragikomöödiat ja musta huumorit. Ta leiab, et see on tema kohustus kirjanikuna tutvustada lastele ja noortele 1968. aasta sündmusi ja normaliseerimisajastust.

Irena Dousková romaani „Hrdý Budžes“ tõlget tutvustati esmalt vene lugejatele. Tõlge oli loodud tõlkija M. Yudina poolt Tšehhi Vabariigi kultuuriministeeriumi abiga 2018. aastal, mil möödus 50 aastat sissetungist.

Oma töös keskendusime originaal raamatu võrdlusele vene tõlkega «Будь Жерорт». Enim huvitas meid see, et jutustaja valik lapse näol mõjutab otseselt loo keelt, määrates selle lauseehituse ja sõnavara, mis muutis tõlkija ülesande keerulisemaks. Tõlke teebki veelgi keerulisemaks asjaolu, et Dousková raamat on täis tšehhide negatiivseid väljendeid venelaste suhtes, kuna kõik „solvavad“ sõnad on suunatud lugejale.

Me analüüsisime tõlke ideoloogilisi komponente ja veelgi täpsemalt sõnavaralist taset, see hulgas ka seda, kas ideoloogiseerimine mõjutab tõlkija meetodit. Vastavalt oma eesmärgile analüüsisime venekeelse tõlke meetodeid ja iseärasusi seoses poliitilise

olukorraga antud perioodil Tšehhoslovakkias. Me püüdsime esile tõsta tõlke põhimõtteid ja hinnata seda originaalkeelele vastavuse seisukohast.

Lihtlitsents lõputöö reprodutseerimiseks ja üldsusele kättesaadavaks tegemiseks

Mina, Kateřina Kyselová,

1. annan Tartu Ülikoolile tasuta loa (lihtlitsentsi) minu loodud teose

Пражская весна и ее последствия в переводе повести Ирены Доусковой
«Будь Жегорт»,

mille juhendaja on Maria Borovikova,

reprodutseerimiseks eesmärgiga seda säilitada, sealhulgas lisada digitaalarhiivi DSpace kuni autoriõiguse kehtivuse lõppemiseni.

2. Annan Tartu Ülikoolile loa teha punktis 1 nimetatud teos üldsusele kättesaadavaks Tartu Ülikooli veebikeskkonna, sealhulgas digitaalarhiivi DSpace kaudu Creative Commons'i litsentsiga CC BY NC ND 3.0, mis lubab autorile viidates teost reprodutseerida, levitada ja üldsusele suunata ning keelab luua tuletatud teost ja kasutada teost ärieesmärgil, kuni autoriõiguse kehtivuse lõppemiseni.

3. Olen teadlik, et punktides 1 ja 2 nimetatud õigused jäävad alles ka autorile.

4. Kinnitan, et lihtlitsentsi andmisega ei riku ma teiste isikute intellektuaalomandi ega isikuandmete kaitse õigusaktidest tulenevaid õigusi.

Kateřina Kyselová

26.05.2022